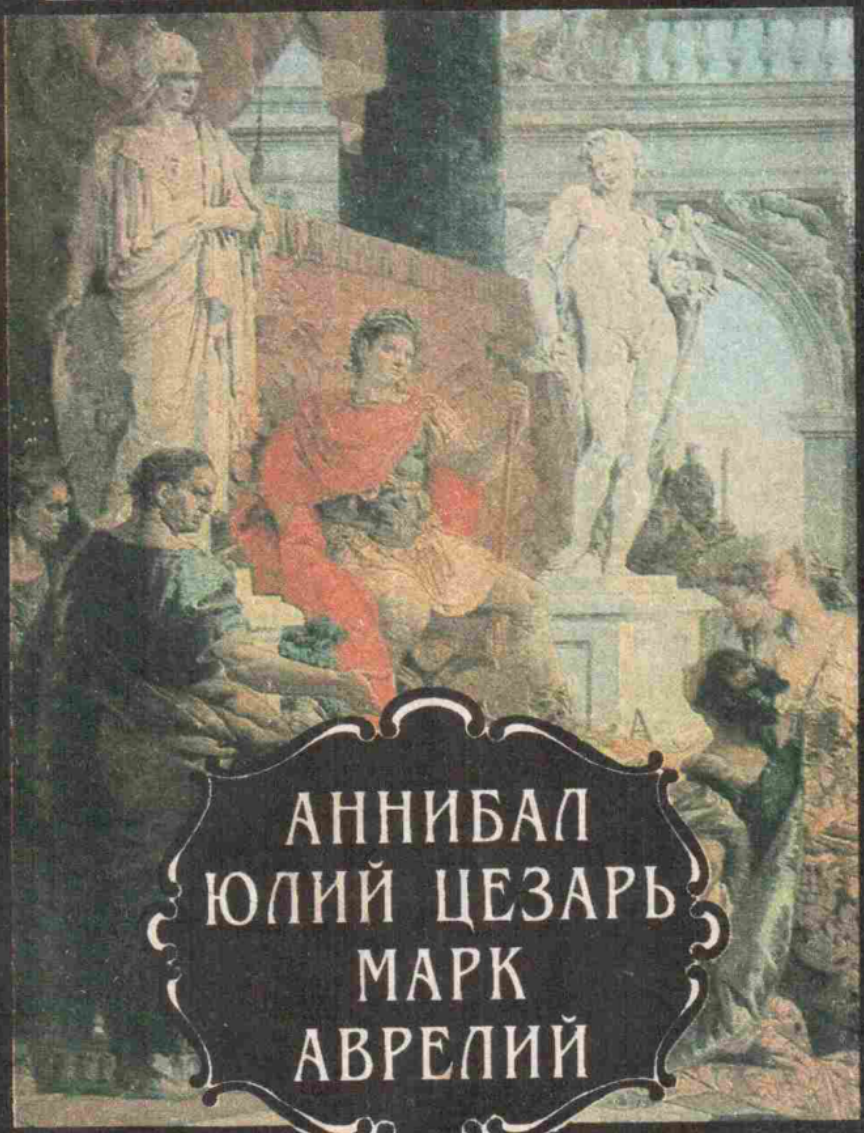
СТО ВЕЛИКИХ ЛЮДЕЙ МИРА



АННИБАЛ
ЮЛИЙ ЦЕЗАРЬ
МАРК АВРЕЛИЙ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Издательство «Муза» продолжает выпуск серии «100 великих людей мира». В третий выпуск вошли три биографических новеллы. Первая из них об Аннибале — выдающемся полководце и великом гражданине Карфагена, прославившемся в войне карфагенян с римлянами.

Вторая новелла о Юлии Цезаре — политике, мыслителе Римской империи, чье правление оказало огромное влияние на историю Европы.

И, наконец, третья — о Марке Аврелии — одном из самых просвещенных и гуманных императоров Римской империи, философе и мыслителе, чье имя стало символом мудрости и гуманизма на долгие века человеческой истории.

- АННИБАЛ
  -
  - I
  - II
  - III
  - IV
  - V
  - VI
  - VII
  - VIII
  - IX
  - X
  - XI
  - XII
  - XIII
- ЮЛИЙ ЦЕЗАРЬ
  -
  - I
  - II
  - III
  - IV
  - V
  - VI
  - VII
  - VIII
  - IX
  - X
  - XI

    - XII
    - XIII
    - XIV
- МАРК АВРЕЛИЙ
    -
    - I
    - II
    - III
    - IV
    - V
    - VI
    - VII
    - VIII
    - IX
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6

АННИБАЛ

***По сочинению Моммзена*[1]**

I

Третий век до Р. Х. был одной из интереснейших эпох в истории древнего мира. В то время как на Востоке медленно разрушается созданное как бы волшебством царство Александра Великого, на Западе, в Италии, довершается организация нового, гораздо более прочного государственного организма — римской республики. Из небольшой деревушки римляне сумели сделать свою родину сначала центром и главой латинского союза, а потом, путем многовековой борьбы, владыкой целой Италии. Объединение Италии стоило римскому народу немало трудов и крови, тем более, что в начале войн с итальянскими народами не вполне закончена была и внутренняя организация гражданской общины Рима. Тем не менее, римляне вышли победителями из трудной борьбы, и уже в первой половине третьего века вся Италия была в их руках. Но на этом не остановилось, да и не могло остановиться распространение римского господства. Обладание Италией неминуемо должно было заставить римлян столкнуться с другими народами, жившими у Средиземного моря; оно должно было придать всей их жизни, их политике новый, более широкий характер, раскрыть неведомые дотоле горизонты, указать, наконец, пути к дальнейшим завоеваниям.

В былые времена соперниками римлян в их стремлении подчинить себе бассейн Средиземного моря могли бы стать этруски и греки, но те времена давно прошли: греческие города утратили свое могущество, Этрурия уже сама была во власти римлян.

Теперь же им пришлось встретиться с другим народом, могущественным и властолюбивым, борьба с которым тянулась более ста лет и не раз грозила гибелью Риму, — с карфагенянами. Борьба эта едва ли не самый увлекательный и вместе с тем поучительный период римской истории: в это время развился и окреп римский характер, выяснились отличительные особенности организации Рима, сказалась в полной мере вся сила и стойкость этого изумительного народа. Но борьба между Римом и Карфагеном важна не только как эпоха в истории Рима; она возбуждает огромный интерес и как история трагической гибели одного из важнейших культурных государств древности — Карфагена, и невольно еще больше приковывает наше внимание тем, что среди карфагенян именно в это время одна за другою появляются две замечательные, исключительные личности, как бы поставившие себе целью силой своего мощного гения отвратить неизбежную гибель любимой родины, несмотря на сильного

врага, несмотря на апатию и бездействие самого народа — это Гамилькар Барка и сын его, еще более знаменитый Аннибал.

Колония финикиян Карфаген не был древнейшим их поселением на африканском берегу, но весьма скоро он превзошел могуществом и богатством не только прочие финикийские колонии, но и самую свою метрополию, финикийский город Тир. Исключительно выгодное положение на торговом пути, с превосходною глубокою гаванью в плодородной местности, постепенно спускающейся к морю, доставило Карфагену в короткое время необычайное процветание.

От финикиян карфагеняне унаследовали тот коммерческий инстинкт, ту ловкость, смелость и предприимчивость, которые сделали из финикиян первую торговую нацию древнего мира. Древние народы вообще развивались большею частью односторонне. У финикиян все духовные силы обращены были на практическую, деловую сторону жизни, наука же, искусство, религия играют у них второстепенную роль, и на этом поприще не произвели они ничего замечательного; то же было, в сущности, и в Карфагене, хотя и прикрывалось там отчасти влиянием греческой образованности.

Карфаген так же, как и его метрополия, отличался недостатком способностей к политической деятельности, недостатком любви к гражданской свободе, живого участия каждого в государственной жизни, недостатком именно того, что прежде всего бросается в глаза в истории Греции и Рима. Финикияне веками платили дань — то Египту, то Ассирии, то персам, то, наконец, македонянам, предпочитая сносить всякое иго, даже сражаться в чужих войсках, лишь бы сохранить свободу торговли и не терпеть убытка в своих коммерческих предприятиях. Карфагеняне, в пору расцвета своего могущества, платили туземным варварским племенам дань за занимаемую ими землю и, несмотря на отдаленность свою от Персии, признавали господство над собою ее царя, чтобы обеспечить себе торговые сношения с Тиром и странами Востока.

Однако, несмотря на полную готовность Карфагена приносить всевозможные жертвы ради торговых выгод, обстоятельства сложились так, что волей-неволей заставили его вести более энергичную, порою даже завоевательную политику; в результате Карфаген, один из всех финикийских колоний, оказался не только торговым городом, но и могущественным государством.

Причина этого была вот в чем: финикияне, тесненные греками, должны были мало-помалу оставить в руках греков всю торговлю в Греции и южной Италии, та же участь предстояла им в

Сицилии, Испании и Африке: уже процветал Сагунт, возвысилась Кирена, и при виде этого неудержимого стремления к Западу своих соперников, финикияне, до тех пор спокойно сносившие их конкуренцию, должны были, наконец, подумать о собственной безопасности, если не желали допустить полного упадка своей торговли. Карфаген взял на себя ведение этой борьбы, защиту интересов хананейского племени против напора греко-латинян. Ему удалось удержать дальнейшее распространение владычества города Кирены, — греческой колонии в северной Африке — и отвоевать Западную Сицилию у греческих колонистов. Следствием этого, естественно, было приобретение гегемонии над прочими финикийскими колониями в Сицилии, Испании и Африке. Карфаген сделался центром могущественного государства и захватил в свои руки всю западную часть Средиземного моря. Немало способствовал усилению его возникший около того времени обычай вести войны при помощи наемников; обычай этот, делавший из войны грандиозную коммерческую спекуляцию, как нельзя более соответствовал характеру карфагенян.

Мало-помалу все северное побережье Африки, острова Сардиния и Корсика, западная часть Сицилии и прилегающие к ней группы островов признали над собой владычество Карфагена. Окрестные ливийские племена платили ему дань; мало того, они приняли карфагенскую цивилизацию — при дворах ливийских и нумидийских князьков говорили по-финикийски и употребляли финикийскую азбуку. Немало содействовало процветанию Карфагена также падение древних финикийских городов; потрясенные опустошениями и завоеваниями многие из них постепенно теряют свою славу и богатство; наиболее знатные семейства нередко переселяются из разоренной родины в цветущую богатую колонию, принося ей свои торговые связи, свои капиталы, свою деловую опытность.

II

Так, постепенно, шаг за шагом, рос Карфаген, и в тот момент, когда в первый раз столкнулся он с Римом, своим великим противником, он, несомненно, был первым из городов хананейских, точно так же, как Рим представлял собою могущественный город Италии и всего греко-латинского мира.

Господство капитала, господство торговых интересов должно было, без сомнения, отразиться на государственном устройстве Карфагена: власть была в руках богатых; среднего, зажиточного класса почти не было, народ был безгласен.

Городом управлял сенат с двумя суффетами (председателями) во главе; в случае войны избирался еще особый полководец, пользовавшийся почти неограниченной властью. Однако на деле государственными делами заведовал не сенат и не поставленные им чиновники, а другое, чисто олигархическое собрание — «совет судей», в котором заседали представители наиболее богатых и влиятельных карфагенских фамилий: «судьи» могли привлекать к суду всех чиновников, даже суффетов, им принадлежал верховный надзор за всем, что делалось в государстве.

Народ не имел никакой власти. Правда, при выборе полководцев и членов сената необходимо было согласие народа, но, при отсутствии независимой, зажиточной буржуазии, быстро укоренился самый бесстыдный, откровенный подкуп голосов, и народу недоставало талантливого вождя, который взялся бы защищать его интересы; хотя в Карфагене и существовала демократическая партия, но она была слишком слаба, чтобы иметь решающее влияние на внутреннюю политику. Аннибалу первому удалось, став во главе демократии, произвести некоторые крупные реформы, — но тогда было уже поздно спасать Карфаген какими бы то ни было средствами.

Вот каков был Карфаген накануне борьбы с Римом. На первый взгляд, между противниками было довольно много общего: оба были государствами аристократическими, с торговым и земледельческим населением; но в Карфагене торговля стояла на первом плане, земля же была в руках богатых граждан и разделялась на большие поместья, которые возделывались рабами, тогда как в Риме существовал еще значительный класс мелких собственников, составлявший ядро и оплот республики.

Римский сенат открывал свои двери всякому способному и даровитому гражданину: он был действительно представителем нации; его господство основывалось на доверии и уважении,

какое чувствовали друг к другу народ, с одной стороны, сенат и его чиновники — с другой. В Карфагене все управление основано было на подкупе: чиновников окружали шпионами, народ систематически развращали подкупом голосов на выборах. Всюду видны были подозрения и взаимное недоверие: бедные ненавидят богатых купцов, богатые опасаются возмущения черни. В Риме в минуты народных бедствий сенат и народ стояли дружно, не уступая врагу, между тем как в Карфагене часто спешат заключить мир, идут на самые постыдные условия, когда нужно было бы только одно последнее усилие, чтобы одержать победу. Мудрено ли, что ввиду того, что в сенате даже перед лицом опасности не прекращались ссоры и вражда, полководцы карфагенские иногда прибегали к поддержке народа и нарушали законы страны? Но важнее всего была разница в обращении с побежденными народами. Римляне никогда не лишали покоренные народы всех прав, старались сплотить все принадлежащие им области в одно органическое целое: карфагеняне посылали всюду своих управляющих, беспощадно грабивших народ, налагали на покоренных тяжелые подати и навсегда лишали их надежды на улучшение их положения. Вот почему всякая высадка вражеского войска в Африке, даже всякое возмущение наемников, подвергало Карфаген ужасной опасности: туземцы тотчас же переходили на сторону врагов против своих притеснителей.

Военные силы Карфагена и Рима были почти равны; но, будучи сами плохими солдатами, карфагеняне, располагая огромными капиталами, предпочитали содержать множество наемников, только офицеры были карфагенские. Под начальством опытного вождя, такое войско представляло очень грозную силу; но, в противоположность гражданскому ополчению Рима, оно ничем не связано было с той страной, за интересы которой проливало свою кровь; к тому же его очень трудно было собрать и мобилизовать в короткие сроки. Зато у карфагенян был превосходный флот; в мореходном деле они превзошли даже греков: корабли их были все пятиярусные и отлично маневрировали; кроме того, их стенобитные машины были лучше римских, а в особых их станах содержались целые отряды боевых слонов.

III

Вскоре представился случай противникам помериться силами в первой борьбе — за обладание прекрасным, цветущим островом Сицилией. Им прежде всего задумали овладеть римляне, выйдя за пределы Италии; карфагенянам пришлось защищать свое преобладание на острове; загорелась первая Пуническая война, продолжавшаяся целых 23 года (264—241 до Р. Х.). Римлянам она стоила огромных усилий: приходилось вести войну несравненно более сложную и трудную, чем все предыдущие и, что было всего затруднительнее для римлян, вести ее преимущественно на море, да еще против сильнейшей морской державы того времени. Ценою громадных жертв и усилий построен был флот; но это, конечно, было еще далеко не все — надо было иметь людей, которые могли бы помериться силами с опытными и смелыми на море карфагенскими капитанами. К сожалению, их-то и не было у римлян: не раз терпели они из-за этого тяжкие поражения, не раз по вине неопытных, но самоуверенных адмиралов погибали целые эскадры, да и на суше эта первая внеитальянская война далеко не всегда велась с успехом. Тем не менее, несмотря на неопытность свою в морском деле, несмотря на неспособность начальников, наконец, несмотря на страшное истощение сил, римляне в итоге все же победили благодаря своему изумительному единодушию и готовности к жертвам на пользу родины, а еще благодаря полному отсутствию тех же качеств у карфагенян. В сенате карфагенском, как и всегда, господствовала вражда и взаимная ненависть; правительство, правда, давало деньги на флот и войско, но делало это вяло, как бы нехотя, и готово было просить мира после каждой неудачи. При таких условиях даже талантливые полководцы редко могли привести в исполнение задуманный ими план войны, довести до конца какое-нибудь трудное предприятие. Такова была судьба одного из величайших полководцев Гамилькара Барки, отца Аннибала. Еще молодым офицером назначен он был главнокомандующим карфагенских войск в Сицилии и там, без всякого пособия со стороны правительства, одними собственными средствами снарядил превосходное войско, безусловно, преданное ему и готовое всюду следовать за любимым полководцем.

В то время как римляне уже успели почти совсем вытеснить карфагенян из Сицилии, Гамилькар захватил несколько неприступных пунктов на ее западном берегу и там, в продолжение целых семи лет, геройски защищался против гораздо более сильного неприятеля. Быть может, он замышлял

смелым нападением внезапно перенести войну в Италию — недаром же его небольшая эскадра непрестанно грабила итальянские берега — но замыслам этим не суждено было исполниться: потерпев страшное поражение на море, карфагеняне, опасавшиеся экспедиции вражеского флота к берегам Африки, прислали Гамилькару приказание заключить мир. Условиями его были — уступка Сицилии, уплата огромной контрибуции и выдача пленных. Правда, консулы требовали кроме того, чтобы Гамилькар сложил оружие и выдал перебежчиков, но карфагенский генерал наотрез отказался исполнить это унизительное требование, и так велико было уважение даже у врагов к его доблести, что они не стали настаивать, и непобежденный герой мог неопозоренным вернуться на родину.

Потеря Сицилии была страшным ударом для карфагенского могущества, но еще тяжелее и чувствительнее было то, что римский флот господствовал на Средиземном море, что пришлось отказаться от надежды захватить в свои руки торговые пути и признать свободу итальянской торговли. Возможно, впрочем, что спокойные и осторожные карфагеняне в конце-концов примирились бы и с этим — ведь и помимо Сицилии было еще много владений, много торговых связей, обеспечивавших мирное, безбедное существование. Но дело в том, что и тогдашнее положение дел не могло считаться прочным — правда, мир, хотя и с большим трудом, был заключен, но кто мог поручиться, что победители будут исполнять его условия? Карфагеняне должны были бы смотреть на него лишь как на перемирие и, немедля ни минуты, озаботиться приобретением новых ресурсов для борьбы, взамен утраченной Сицилии, если только они не хотели зависеть от милостей Рима.

В Карфагене, как и во всяком городе, была партия мира и партия войны. К первой примыкала вся та масса апатичных трусливых людей, которые всегда и всюду думают только о том, как бы выиграть время, как бы прожить и умереть со всеми, оттянуть момент решительной борьбы, ее составляли в Карфагене наиболее богатые и влиятельные люди — члены совета, судьи, большинство чиновников. Приверженцами войны главным образом были люди из простого народа — это была вместе и демократическая, и революционная партия в городе, — во главе ее стоял прославленный Гамилькар.

Еще не успел он вернуться из Сицилии, как в Карфагене вспыхнуло ужасающее восстание наемников, возмущенных задержками и неаккуратностью правительства в уплате жалования. Поспешно призвали Гамилькара, и ему удалось

усмирить бунт, грозивший серьезной опасностью Карфагену; после этого он стал уже признанным вождем демократической партии. Быть может, с ее помощью, удалось бы ему провести многие крупные реформы, но он боялся раздражить своих врагов и возбудить подозрения римлян. Теперь он думал о другом. Без труда добился он назначения его главнокомандующим с неограниченной почти властью и решился исполнить давно задуманное им дело.

Единственное спасение Карфагена — это прекрасно сознавал Гамилькар — было в войске; его надо было создать и организовать собственными силами и, что всего важнее, на собственные средства, так как сенат карфагенский не считал нужным давать деньги на подобные дела в мирное время. С другой стороны, надо было подарками поддерживать любовь к себе народа, хотя и способного на кратковременный порыв патриотизма, но развращенного и изменчивого.

Среди всех этих опасностей, окруженный внешними и внутренними врагами, никем не понятый, кроме немногих друзей, великий человек стоял одиноко, преследуя упорно свою трудную цель — создать Карфагену новое войско, прочную опору в беде и отомстить врагу. Он был еще молодым человеком, но, казалось, чувствовал, принимаясь за свое великое дело, что ему не суждено было его закончить. Уезжая из Карфагена, он заставил своего девятилетнего сына Аннибала поклясться на алтаре верховного божества в вечной ненависти к римлянам. Гамилькар вырастил Аннибала и двух его братьев, Гасдрубала и Магона — «львиный выводок», как он называл их, а в лагере — наследниками своих планов, своего гения и своей ненависти.

Немедленно по окончании войны с наемниками Гамилькар оставил Карфаген, и вскоре там с изумлением узнали, что он переправился в Испанию. В короткое время весь юг и юго-восток полуострова подчинились ему — там основаны были города и гавани, стали правильно разрабатывать серебряную руду, вводить земледелие; из туземцев сформировано было превосходное войско. К сожалению, деятельность Гамилькара в Испании известна нам лишь в общих чертах; но достаточно сказать, что известный противник Карфагена Катон Старший, посетивший Испанию целое поколение спустя после смерти Гамилькара, с изумлением воскликнул, увидев, что им было там сделано: «Ни один царь не достоин стать рядом с Гамилькаром!»

В самый разгар своей деятельности Гамилькар погиб в жестокой схватке с туземцами. Дело его продолжал его зять Гасдрубал, его верный друг и союзник; когда же Гасдрубал, спустя несколько лет, погиб от руки убийцы, офицеры испанской

армии, которым принадлежало право избирать полководца, призвали на его место Аннибала, сына Гамилькара Барки. Теперь настало, наконец, время, когда могло исполниться то, о чем мечтал и думал Гамилькар, — войско было готово, богатая Испания вполне заменила Сицилию, недоставало только достойного вождя. Таким вождем суждено было стать Аннибалу.

IV

С начала деятельности Аннибала борьба между Римом и Карфагеном вступает в решительную фазу; он ведет эту борьбу почти один, и вторая Пуническая война по справедливости должна называться войною Аннибала с Римом. Этой войне посвящена была вся жизнь Аннибала; история войны есть и история его жизни. Но с другой стороны, война эта составляет лишь одно из звеньев долговременной борьбы Рима с Карфагеном; не зная, хотя бы в общих чертах, чем был Карфаген, и как велась им борьба до этого времени, нельзя уяснить себе и второго периода этой великой борьбы, а вместе с тем и оценить по достоинству характер и дарования Аннибала.

В то время, как войско испанское избрало Аннибала главнокомандующим, он был еще совсем молодым человеком — ему было всего 29 лет, — но он успел уже пережить и передумать многое. В смутных воспоминаниях далекого детства выступал перед ним отец, победоносно сражавшийся в Сицилии; он помнил позорный мир, заключенный с римлянами, горькое возвращение на родину непобежденного отца, ужасы восстания наемников. Уже мальчиком последовал он за отцом в лагерь и вскоре обратил на себя внимание. Его стройное, крепкое телосложение делало его способным к воинскому делу; он был лихой наездник и вместе безукоризненный пехотинец. Легко обходился без сна; как истый солдат ел что и когда случится и подолгу мог лишать себя пищи. Несмотря на то, что юность его протекала в воинском стане, он был образованным человеком и знал все, что считалось необходимым для знатного финикиянина того времени; в греческом языке он усовершенствовался окончательно уже будучи полководцем. Едва достигнув юношеского возраста, он вступил в ряды отцовского войска, на его глазах и под его начальством совершил первые свои походы; сражаясь рядом с отцом, Аннибал видел его смерть в горячей битве. Потом, служа под начальством Гасдрубала, молодой Аннибал, будучи начальником конницы, выдвинулся еще более благодаря блестящей личной храбрости и искусному командованию своим отрядом.

Теперь голос товарищей призывал его, молодого, но уже испытанного генерала, к начальству над войском, и он мог выполнить то, ради чего жили и за что умерли его отец и зять. Он принял их наследие и был достоин сделать это.

Современники не раз пытались очернить характер Аннибала: римляне называли его жестоким, карфагеняне — корыстолюбивым. Действительно, он ненавидел так, как умеют

ненавидеть только восточные натуры; полководец же, у которого не было никогда недостатка в деньгах и припасах, должен был поневоле отыскивать средства к их добыванию. Тем не менее, хотя пером его историков зачастую водили зависть, ненависть и подлость, им все же не удалось исказить его великий и чистый образ. Если не считать некоторых неудачных проектов и тех промахов, которые делали подчиненные ему офицеры, нет ни одного факта во всей истории жизни Аннибала, который нельзя было бы оправдать с точки зрения тогдашнего международного права и тогдашних обстоятельств. Все историки единогласно признают в нем удивительное сочетание хладнокровия и гениального одушевления, осторожности и энергии; одной из особенностей его характера была изобретательная хитрость, свойственная почти всем финикиянам; он охотно шел необыкновенными, неожиданными путями, любил прибегать к засадам и всевозможным военным уловкам; с беспримерной тщательностью изучал он характер противника. Искусно организованной системой шпионства — у него были шпионы в самом Риме — он проникал во все замыслы врагов; нередко видали его самого в парике и переодетого, отправлявшегося на разведки. О его стратегических (военных) талантах свидетельствует каждая страница современной ему истории, но не менее велики были его дарования как государственного человека: он доказал это реформами в Карфагене, после мира с Римом, и необыкновенным влиянием, которое он, бездомный чужеземец, оказывал на правительства восточных держав. Как велико было его обаяние, доказывает его беспримерная власть над пестрым разноречивым войском, ни разу не восставшим против него даже в самые трудные минуты! Он был великий человек; куда ни приходил он — взоры всех устремлялись на него.

V

Аннибал решил немедленно начать войну. Он думал воспользоваться беспорядками в Цизальпинской Галлии — области в северной Италии, недавно подчинившейся Риму, — а натянутые отношения римлян к Македонии предупредят объявление войны самими римлянами.

Войско Аннибала было совершенно готово к походу, военная казна пополнела благодаря нескольким походам против соседних племен, но карфагенский сенат, в котором преобладала партия мира и бездействия, ничуть не расположен был содействовать планам молодого полководца и объявлять войну. Аннибал решил сам вызвать ее. Он начал раздражать греческую колонию Сагунт, римскую союзницу. Но сагунтинцы ограничились тем, что послали жалобу в Рим; Аннибал, опасаясь, что римляне, узнав о положении дел в Испании, первые начнут войну, внезапно напал на Сагунт без всякого серьезного повода. В Карфагене его образ действий привел в ужас и негодование многих робких людей, но делать уже было нечего; когда же после долгой и мужественной обороны Сагунт все-таки сдался и Аннибал прислал в Карфаген добычу для раздела, воинственный дух проснулся внезапно во многих из тех, которые до тех пор усерднее всего говорили о мире; раздел добычи сделал всякие мирные переговоры невозможными. Когда римское посольство прибыло в Карфаген за объяснениями, сенат карфагенский, наконец, собрался с духом: весною 218 г. война была объявлена.

Общее число войск Аннибала было очень велико: у него было 120 000 пехоты, 16 000 конницы, кроме того, 56 слонов и 50 кораблей. Лишь незначительная часть войск была из наемников, большинство же состояло из карфагенских подданных — испанцев и ливийцев. Чтоб заручиться верностью испанцев, Аннибал решил дать им важное доказательство своего к ним доверия — полный отпуск на всю зиму; ливийцам же он клятвенно обещал права карфагенского гражданства, если они вернутся в Африку победителями. Затем он распределил свои войска: одна часть должна была остаться в Африке для защиты его западного и северного прибережья; другая, под начальством брата Аннибала, Гасдрубала, — в Испании; там же оставался флот, чтобы поддерживать правильные сношения между Испанией и Италией. Туда, в Италию, Аннибал и решил отправиться с главной массой своего войска. От карфагенского правительства он не требовал ничего, кроме небольшой эскадры, которая должна была опустошать берега Италии и занять

несколько крепостей в Сицилии. Решив идти на Италию, Аннибал приобретал все выгоды наступающей стороны и, кроме того, предупредил высадку в Африке, с которой римляне, конечно, начали бы войну.

Но для того, чтобы экспедиция эта была не сумасбродным, а строго обдуманным предприятием, необходимо было приобрести прочную опору в Италии. Приморские города не могли служить для Аннибала точкой опоры, потому что римский флот господствовал на Средиземном море; надеяться на то, что итальянский союз, незадолго перед тем стойка выдержавший войну с Пирром, распадется при появлении карфагенян — не было никакого основания. Только Галлия могла сделаться для Аннибала тем, чем была Польша для Наполеона в 1812 году. Страна эта, не вполне успокоившаяся после римского завоевания, еще не оцепленная римскими крепостями, населенная народом, чуждым латинской нации, должна была видеть в карфагенских войсках избавителей от тяжкого ига. Уже были заключены договоры с племенами бойев и инсубров, которые обязывались показать карфагенянам дорогу, подвозить провиант, обеспечить им дружественный прием у остальных кельтов и восстать самим, как только Аннибал явится в Италию. К сожалению, у нас нет достаточно данных для объяснения того, почему Аннибал пошел в Галлию через Альпы, а не морем. Быть может, причиною было нежелание рисковать в морском путешествии или незнакомство с трудностями избранного пути.

Как бы то ни было, но весною 218 года Аннибал с 90 000 пехоты, 12 000 конницы и 37 слонами двинулся по направлению к Эбро. О цели похода, о заключении союза с кельтами, о средствах, бывших в его распоряжении, он сообщил своим солдатам столько, сколько нужно было для того, чтобы каждый рядовой, военный инстинкт которого развит был долголетними походами, мог оценить заботливость и талант вождя и спокойно идти за ним в неизвестную даль; пламенная же речь Аннибала, в которой он представил им положение отчизны и надменное поведение римлян, позорное требование выдать Риму вождя карфагенского войска со всем его штабом, — все это пробудило в сердцах солдат чувство гражданского и военного мужества.

VI

Между тем римляне совершенно не знали, что предпринять. Правда, у них было большое, почти полумиллионное войско, флот же состоял из 220 пятиярусных кораблей, но у них не было талантливого вождя, который руководил бы всем ходом войны, обнимал бы взглядом всю ее арену и умел бы распоряжаться силами государства. Войну следовало начать с высадки в Испании и Африке, но римляне никак не могли решиться сделать это, и несчастный Сагунт восемь месяцев напрасно ожидал их помощи; когда же война была, наконец, объявлена, и консулу Сицилии дано было приказание отплыть в Испанию, вспыхнул бунт в Галлии, и Сципион занялся его усмирением, а для похода в Испанию рассчитывал набрать новые легионы.

Если бы римляне встретили Аннибала у Эбро, им, быть может, удалось бы предупредить его поход в Италию; во всяком случае следовало задержать Аннибала в Каталонии; тогда он пришел бы к подножию Альп как раз в то время, когда все дороги занесены снегом; ему пришлось бы ждать, а тем временем африканская эскадра могла бы беспрепятственно отплыть по назначению.

Но Аннибал, не встретив препятствия ни от кого, кроме туземных племен, перешел Эбро, хотя и с большим трудом, и достиг Пиренеев; здесь он отпустил часть войска, желая внушить своим солдатам еще больше доверия к предстоящему походу, и с 50 000 пехоты и 700 всадников перешел Пиренеи и направился по южному берегу Франции. Частью договоры, частью золото, а иногда и оружие, открыли карфагенянам путь через кельтские земли.

Лишь у берегов Роны должны они были встретить первое препятствие. Консул Сципион, собиравшийся плыть в Испанию, узнав, что он опоздал, решил встретить Аннибала у Роны и преградить ему доступ в Италию. По счастью для Аннибала, в том месте, где он собирался перейти Рону, на левом берегу стоял лишь небольшой отряд союзных римлянам кельтов; консул же с войском был в четырех днях пути, в Марселе. У карфагенян не было ни одной лодки; но Аннибал частью скупил их у кельтов, частью их соорудили сами солдаты; между тем отправленный вверх по течению небольшой отряд напал с тыла на кельтов, мешавших переходу армии. На пятый день по прибытии в Рон армия могла переправиться. Небольшой отряд, посланный из Марселя вверх по Роне, был разбит карфагенянами и, вернувшись, принес консулу известие, что вся неприятельская

армия переправилась и покинула берега Роны. Тогда Сципион сначала без всякой пользы отправился вверх по реке, хотя Аннибала там давно уже не было, а потом, вместо того чтобы тотчас идти в Италию и встретить Аннибала в Галлии, отправил большую часть армии в Испанию, а с собой в Италию взял лишь небольшой отряд.

Аннибал, между тем, приближался к Альпам; предстояло трудное дело переправы войска и слонов, надо было выбрать тот из горных путей, который был для людей и скота наиболее доступным и где можно было легче доставать провиант. В древности таких путей было три — один по берегу моря — им Аннибал не хотел идти, так как этот путь отвлек бы его от Галлии; другой — через мост Женевр в Котийских Альпах; третий — через Малый с. Бернард. Из них Аннибал выбрал последний — более длинный, но более доступный для перехода. В 16 дней армия достигла подошвы Альп; при переходе через первый гребень гор войско подверглось большой опасности от ожесточенного нападения враждебных кельтов, загородивших проход. Однако карфагенскому полководцу удалось хитростью захватить их и занять ближайшие вершины. Но бедствия войска только еще начинались: на неприступных, узких тропинках люди и скот постоянно падали в пропасть. Немало хлопот доставляли кельты, бросавшие в солдат огромные камни с высоких утесов. Воины уже начинали терять мужество: усиливающаяся трудность пути, вероломство кельтов, множество раненых и убитых товарищей — все возбуждало в них упадок духа и отнимало веру в успешность предприятия. Только необычайная решимость, хладнокровие и осмотрительность Аннибала еще поддерживали дух солдат. Им удалось достичь вершины с. Бернарда, и после краткого отдыха войско стало спускаться с гор в долины Цизальпинской Галлии. Здесь уже не встречались им враждебные кельтские племена, но зато спуск по занесенным осенними метелями тропинкам (дело было уже в сентябре) и по обледенелым скатам гор едва не погубил всей кавалерии и слонов.

Наконец, после беспримерных трудов, переход был совершен, и войско, встреченное с восторгом союзными кельтами, могло отдохнуть в плодородных галльских равнинах и набраться сил для будущего похода. Ожидай римский консул врага у подошвы Альп со свежим войском, Бог знает, чем бы кончился этот поход; но консула не было, и никто не мешал карфагенянам воспользоваться столь необходимым для них отдыхом. Переход через Альпы стоил Аннибалу громадных жертв: по его собственным показаниям, у него осталось всего 20 000 пешего

войска и 6 000 конницы. Едва ли, конечно, можно назвать удачной экспедицию, поглотившую в такое короткое время и при исключительно счастливых обстоятельствах такое огромное число людей; да и сам Аннибал, по всей вероятности, не был особенно доволен ее результатами. Но обвинять его за это нет решительно никакой причины: путь, избранный им, шел по неизвестным варварским странам и в конце концов был лучшим из всех, находившихся в его распоряжении. Мастерское же выполнение плана, задуманного еще Гамилькаром, удивительный такт и самообладание, выказанное Аннибалом при самых трудных обстоятельствах, заслуживают величайшего удивления, и недаром переход через Альпы доставил Аннибалу большую славу, чем все последующие победы.

VII

В то время как Аннибал, не встречая нигде препятствия, занял всю долину реки По, римский консул Семпроний, начальник армии, назначенной для высадки в Африке, находился еще в Сицилии и там получил от сената приказание немедленно возвратиться Для защиты родины.

Сципион, между тем, высадился на берегу Италии, недалеко от Пизы, перешел По близ крепости Плаценции и пошел вверх по течению навстречу врагу. В долине Тичино, правого притока По, римская конница, вышедшая на разведку под начальством самого консула, наткнулась на карфагенскую конницу, предводимую Аннибалом. Сципион, несмотря на численный перевес неприятеля, решил принять вызов; но превосходная нумидийская кавалерия доставила карфагенам победу, римляне же, потерпев большой урон, должны были отступить. Сципион, искупивший свои ошибки полководца необыкновенной храбростью в битве, получил тяжкую рану и был спасен только благодаря самоотверженности своего семнадцатилетнего сына. Вместе с несчастьем к нему вернулось самообладание и решимость, он смело перешел через По с остатками войска и укрепился сначала недалеко от Плаценции, а потом на правом берегу реки Требии, правого притока По; там соединился с ним Семпроний, форсированным маршем прошедший через всю Италию. Аннибалу невозможно было идти дальше, пока римляне стояли на Требии; зимовать в Галлии было тоже неудобно; с другой стороны, переход через Требию, разлившуюся во время осеннего половодья, да еще на глазах римлян, был также далеко небезопасен. Однако, как ни ясно было для всякого выгодное положение, занимаемое римлянами, но был уже декабрь месяц, и хотя победа, при должной выдержке, быть может, и оставалась на стороне римлян, но консулу Семпронию, срок службы которого приходил к концу, конечно, нельзя было рассчитывать на триумф.

Аннибал успел уже изучить характер противника и решил принудить его к битве; дразня неприятеля ловкими маневрами и притворным отступлением, он переманил его конницу на левый берег Требии, где она наткнулась на заранее установленную в боевом порядке карфагенскую пехоту. День был туманный и дождливый, промокшие и еще не завтракавшие, римские легионеры должны были внезапно переправляться на другой берег, чтобы выручать конницу.

Началась битва. Римская пехота и на этот раз, как всегда, проявила необыкновенную стойкость и мужество; теснимая

спереди пехотою, с боков — нумидийскими наездниками, она все же не отступала; тогда с тылу ударил младший брат Аннибала, Магон, со свежим отрядом, и окруженные со всех сторон легионы не в силах были дольше держаться. Часть солдат с необычайной отвагой пробила себе дорогу сквозь ряды неприятеля и нашла убежище в Плаценции, другие пали, третьи были избиты при переправе через реку.

Победа эта делала Аннибала господином над всей северной Италией; римские войска, укрепившиеся в Кремоне и Плаценции, были отрезаны от родины, и карфагенский полководец, пополнив кельтами поредевшие ряды своей армии, спокойно расположился в Галлии на зимние квартиры.

Между тем, римский сенат ничуть не считал дело проигранным и даже не счел нужным особенно увеличить численность войска — пополнены были только прежние четыре легиона и усилена конница. Консулы Сервилий и Фламиний должны были защищать Рим с севера и рассчитывали, перейдя Аппенины двумя разными дорогами, соединиться близ Плаценции. Но Аннибал и не думал защищать долину По: он знал силы римлян, быть может, лучше, чем они сами, и прекрасно сознавал, что, несмотря на только что одержанные победы, он все же слабее противника. Он знал, что конечной своей цели — унижения Рима — он мог достигнуть не устрашением врага и не блестящими победами, а только полным и последовательным сокрушением римского владычества. Ему было также вполне ясно, насколько итальянский союз, стойкий политически и постоянно готовый к войне, превосходит силами его самого, получавшего с родины лишь незначительную и неправильную поддержку, вынужденного опираться на своенравных, изменчивых солдат; превосходство же римской пехоты достаточно сказалось при Требии, несмотря на перенесенное ею поражение.

Из этого сознания собственной слабости проистекает основная мысль, руководившая Аннибалом в Италии, — вести войну, постоянно меняя план и театр ее, и ожидать конечного успеха не от военных, а от политических побед — от постепенного разрушения и распада итальянского союза. Это было необходимо, ибо единственное, в чем заключалась сила Аннибала, был его собственный гений; гений же этот мог проявиться в полной силе лишь тогда, когда он постоянно изощрял его в новых комбинациях и не давал покоя противнику. Вместе с тем это был единственно разумный и целесообразный способ действия: великий решитель битвы превосходно видел, что после каждой блестящей победы пораженным оказывался не Рим, а неспособные римские полководцы, Рим оставался настолько же

сильнее Карфагена, насколько Аннибал был выше римских полководцев. И эта необычайная прозорливость Аннибала и понимание им своего положения заслуживают большего удивления, чем самые блестящие его победы. Верный своему общему плану Аннибал решился перенести войну в Италию.

Перед отправлением своим в Италию он приказал привести к себе пленных: на римлян наложены были оковы, итальянские союзники же отпущены были на родину без выкупа, с поручением объявить там, что Аннибал воюет не с Италией, а с Римом, что итальянские города должны видеть в нем не врага, а освободителя и союзника, который вернет им свободу и восстановит прежние границы областей.

VIII

Переход через Апеннины совершен был почти беспрепятственно, но болотистая этрусская низменность, благодаря весенним дождям и таянью снегов, была так наводнена, что солдатам пришлось в продолжение четырех дней идти по воде; начались болезни, от которых пало множество людей и скота. Сам Аннибал лишился одного глаза, вследствие воспаления. Однако переход все же совершили, и римскому консулу Фламинию, который оказался обойденным карфагенянами, оставалось только дожидаться своего товарища, стоявшего на восточном берегу Италии, близ Ариминума. Но Фламиний не захотел ждать: это был хвастливый, самонадеянный человек, принадлежавший к демократической партии и постоянно критиковавший распоряжения сената; друзья считали его гением и уверяли как его самого, так и жадно внимавшую им толпу, что стоит лишь назначить его консулом, чтобы сразу погубить карфагенян.

Аннибал, знакомый, как и всегда, с личностью противника, прошел недалеко от римлян, не атакуя их, а только приказал кельтам безжалостно опустошать окрестности, чтобы показать жителям, как мало дарует им близость римлян.

Фламиний, разумеется, тотчас решил дать дерзкому врагу хороший урок. Немедленно он двинулся вслед за ним и настиг его у озера Тразименского. Аннибал между тем успел, не спеша, выбрать место для битвы — узкий проход, в начале которого было озеро, в конце — высокий холм. Не подозревая ловушки Фламиний вступил туда с войском; между тем Аннибал уже заранее окружил его с трех сторон, и едва передовые римские отряды подошли к холму, как конница преградила выход у озера, и в то же время подан был сигнал к битве. Это было не сражение а бойня: римлян пало около 15 000, столько же было взято в плен; Аннибал потерял всего 1 500 человек; к довершению всего, отряд, посланный Сервилием с востока на подмогу товарищу, был также разбит и взят в плен карфагенянами.

Этрурия была потеряна; враг ежеминутно мог появиться под стенами Рима. Но римляне не потеряли мужества: они избрали диктатора — Фабия Максима, приготовились к осаде и сломали мосты через Тибр.

Аннибал, однако же, рассчитал иначе: он не пошел ни на Рим, ни даже против Сервилия, а двинулся через области Умбрию и Пиценум к берегам Адриатического моря, без пощады разоряя римские поселения. Там он мог дать отдохнуть своим

измученным войскам и вместе с тем предпринять трудное и смелое дело перевооружения своих войск по римскому образу, пользуясь множеством добытого у римлян оружия. Когда эта реформа была закончена, Аннибал медленно двинулся по направлению к южной Италии.

Но напрасно ожидал Аннибал, что союзники Рима — сабинские и латинские города — перейдут на его сторону: один город за другим закрывал перед ним свои ворота, ни одна итальянская община не согласилась вступить в союз с карфагенянами. Для римлян эта верность союзников была делом громадной важности; но римляне понимали, что нельзя оставлять союзников без помощи, что римское войско должно оказать им поддержку.

Квинт Фабий, назначенный диктатором, был уже пожилой человек, известный своей твердостью и обдуманностью, которую многие считали медлительностью и упрямством. Это был настоящий римлянин старого закала, почитатель старины, сторонник сената и аристократической партии. Он решил вести войну совершенно иначе, чем вели ее до тех пор, — избегать битвы в открытом поле, но зато утомлять противника мелкими нападениями и мешать ему запасаться провиантом.

Аннибал решил и на этот раз сообразовать свой образ действий с характером противника: он подошел к Капуе, самой сильной и потому наиболее притесняемой из римских союзных общин, но надежды взять ее были напрасны.

Римляне все время держались невдалеке от карфагенян, но не вступали в битву, даже при виде нумидийской конницы Аннибала, безжалостно опустошавшей селения верных союзников. Когда же карфагеняне повернули назад, Фабию удалось запереть их в горном проходе близ местечка Казилинума. Но Аннибал приказал своим легковооруженным воинам взобраться на высоты, окружающие проход, и там с наступлением ночи погнать перед собой огромное стадо быков, к рогам которых привязаны были зажженные пучки хвороста. Римляне, уверенные, что это уходит карфагенская армия, покинули загражденную ими дорогу, и Аннибал преспокойно прошел по ней со своей армией, а на другой день выручил отряд, посланный им на высоты, и ушел на Апулию, опустошая и разоряя все на своем пути.

Но и теперь ни один итальянский город не сдался Аннибалу. Он решил провести зиму в Апулии и устроил себе укрепленный лагерь близ города Геруниума: было как раз время жатвы, и ежедневно две трети войска отправлялись в окрестные селения, чтобы добывать провиант на зиму.

В римском лагере, между тем, начались несогласия; в

отсутствие Фабия, уехавшего в Рим, командование перешло в руки начальника конницы молодого Минуция. Минуцию несколько раз удалось отбить отряды карфагенян, вышедшие на фуражировку. Этого было достаточно, чтобы возбудить против Фабия бурю негодований и в лагере, и в Риме, за его нерешительность, за бесполезную трату времени. Римские демагоги (народные вожди), ненавидевшие Фабия, добились того, что, вопреки обычаям и законам римского государства, диктаторская власть разделена была между Минуцием и Фабием. Вскоре после этого необдуманность Минуция чуть не погубила римлян: с незначительными силами он двинулся навстречу Аннибалу и был бы разбит, если бы Фабий вовремя не пришел ему на помощь. Аннибал же, запасшись провиантом на всю зиму, спокойно продолжал стоять лагерем в Апулии.

IX

Но римский сенат не терял бодрости; решено было снарядить небывалое войско — шесть легионов (тяжело вооруженных воинов). Римская армия таким образом была почти вдвое сильнее неприятельской; недоставало только хорошего предводителя. О Фабии нечего было и думать: народ громко роптал на его способ ведения войны; говорили даже, будто он намеренно ее затягивает. С трудом удалось добиться сенату выбора одного из своих кандидатов — Эмилия Павла: в товарищи ему был выбран Варрон, грубый, неспособный человек, известный только своими демократическими убеждениями и постоянной оппозицией сенату. В то время как в Риме велись эти приготовления, Аннибал двинулся еще далее на юг к крепости Канны, в которой находились римские склады провианта и оружия.

Огромное римское войско последовало за ним. Аннибал желал открытой битвы: победа могла принести ему именно теперь огромную пользу, поколебав римских союзников; обширная же равнина близ Канн, на которой превосходно могла развернуться конница, обещала верный успех.

Положение римлян было не так выгодно, и Эмилий Павл, ученик и сторонник Фабия, советовал не торопиться вступать в битву, а лучше заставить покинуть Аннибала свою выгодную позицию близ Канн. К сожалению, решающий голос в военном совете принадлежал обоим консулам по очереди; Варрон же думал только о том, чтобы поскорее помериться с врагом и, как только пришла его очередь, решил дать большое сражение в открытом поле. Римская кавалерия, как и всегда, выстроилась на флангах, пехота — в центре. Аннибал выстроил свою пехоту в виде полумесяца, причем в средине стояли кельты и иберийцы в национальном вооружении, по бокам — ливийцы в римских доспехах; конница, как и у римлян, расположилась по обе стороны пешего войска. Вскоре битва закипела по всей линии войск. Легионы без труда опрокинули стоявшие против них кельтские отряды и погнали их перед собою. Между тем стоявшей на левом крыле тяжеловооруженной коннице под начальством Гасдрубала удалось одолеть правое крыло римлян и обратить их в бегство. Легионы же, преследуя бегущих кельтов, принуждены были остановиться, наткнувшись на нетронутые еще отряды ливийцев, которые тотчас же с обеих сторон набросились на них. Гасдрубал, разбив правое крыло римлян, прошел позади неприятельского войска и ударил в тыл левому крылу, и без того уже утомленному непрерывными атаками легкой нумидийской

конницы. Римляне не выдержали неожиданного натиска и побежали. Неутомимый Гасдрубал, предоставив нумидийцам преследовать бегущих, еще раз собрал свои отряды и направил их против легионов, которые все еще продолжали держаться. Это решило дело. Бегство было немыслимо, пощады же не давали; никогда, быть может, столь огромное войско не бывало разбито так окончательно и с таким незначительным уроном для победителя: Аннибал потерял 6 000 человек, из которых большинство были кельты; римлян пало 70 000, в том числе консул Эмилий Павл, две трети штаб-офицеров, восемьдесят лиц из сенатского сословия. Варрон спасся бегством и укрылся в Венузии.

Этот грандиозный, беспримерный успех, казалось, должен был привести Аннибала к достижению той цели, ради которой он пришел в Италию. Правда, римский полководец Сципион, брат консула, потерпевший поражение при Тичино, отправившись в Испанию после перехода Аннибала через Рону, занял весь берег от Пиренеев до Эбро и мешал высылке подкреплений Аннибалу из Испании. Но зато карфагенское правительство, до тех пор оставлявшее его совершенно без поддержки, под впечатлением каннской победы, решило помочь победоносному полководцу деньгами, войском и слонами.

С македонским царем, давнишним недругом Рима, Аннибал заключил союз, и македоняне обещали прислать войско в Италию; их примеру последовал тиран сиракузский. Но важнее всего для Аннибала было то, что римские союзники мало-помалу начали переходить на его сторону; один за другим открыли ему ворота многие города южной Италии, большинство самнитских общин сделали то же; наконец, богатая, сильная Капуя, второй город Италии, также перешла на сторону Аннибала. Только греческие города южной Италии, ненавидевшие финикиян, да еще латинские общины продолжали стоять за Рим. Таковы были последствия каннского поражения. Причина его заключалась прежде всего в недостатках государственного строя Рима, в отсутствии единства управления, во вражде между сенатом и народом, в отсутствии хороших полководцев, которые к тому же сменялись слишком часто.

Спасения можно было ожидать только в том случае, если позабыты будут все прежние несогласия, и будет восстановлено полное доверие между сенатом и народом. Сенат римский нашел в себе силу выполнить эту великую задачу. Выходя за городские ворота навстречу беглецу Варрону и благодаря его за то, что он не отчаялся в спасении Рима, сенат тем самым положил конец всяким внутренним распрям и изъявлял готовность жертвовать

своими личными интересами для общего дела. Сделаны были распоряжения для восстановления спокойствия в городе и поддержания духа народного. Все мужское население, даже мальчики, призвано было к оружию; вооружили рабов и преступников, карфагенских же послов, пришедших для переговоров о выкупе пленных, даже не пустили в город: каждый союзник, каждый гражданин должен был знать, что Рим не думает о мире, и что спасение только в победе. Цель Аннибала — расторжение итальянского союза — была теперь достигнута настолько, насколько вообще возможно было достигнуть его при существующих обстоятельствах. Что греческие города южной Италии и латинские общины не сдадутся карфагенянам по доброй воле — было ясно; впрочем и те города, которые перешли на их сторону, оказались далеко не надежными союзниками: ослабленные долговременным римским владычеством, отвыкшие от войны, они неохотно и вяло действовали в интересах карфагенян, а Капуя, например, прямо поставила условие, чтобы Аннибал не вербовал насильно солдат из числа ее граждан.

Положение Аннибала делалось все более затруднительным. Войско его в 40 000 человек было далеко недостаточно для наступательной войны и защиты союзников; к тому же римляне стали осмотрительнее, и во главе войск ставились теперь действительно талантливые люди. Таков был, между прочим, Марк Марцелл, отличавшийся еще раньше в галльских войсках — человек уже пожилой, но полный самого горячего юношеского пыла. Марцелл понимал, что благоразумный способ ведения войны не в опрометчивом принятии всякого вызова к сражению, но и не в бесплодной медлительности; надо было стараться занять по возможности много крепостей и, где можно, решительно и быстро нападать на неприятеля.

После битвы при Каннах, Аннибал не пошел на Рим, ибо он хорошо знал, что не в силах взять его, а отправился в Кампанию, чтобы овладеть гаванями, необходимыми для сношения с Африкой. Но тут дела его пошли далеко не блестяще: многие города отчаянно защищались, а Марцеллу удалось не только отвоевать обратно некоторые крепости, захваченные карфагенянами, но и одержать верх над Аннибалом в нескольких стычках. Аннибалу пришлось зимовать в Кампании, и роскошь и изнеженность тамошней жизни очень вредно отразилась на его измученных войсках; весною же, не успев ничего сделать, он вернулся в Апулию, где римляне уже теснили его союзников.

X

Проницательный ум Аннибала и прежде никогда не позволял ему обольщаться победами. Теперь же он все яснее понимал, что таким путем достигнуть цели невозможно. Прежний способ ведения войны не годился с тех пор, как во главе римлян стояли более способные люди, которым, к тому же, стали теперь давать командование на более продолжительное время. О наступательной войне при таком маленьком войске нечего было и думать, да и оборонительная война становилась год от года труднее. Очевидно, надо было ждать помощи извне от Карфагена, который еще ничего не сделал для обеспечения успеха предприятию, от которого зависела его судьба, и от иностранных союзников, Македонии и Сиракуз. Естественнее всего, разумеется, было ожидать помощи от Карфагена, но за минутной вспышкой после Каннской победы там все снова впали в обычную апатию: народная же партия, к сожалению, не имела влиятельного вождя, который поддержал бы интересы Аннибала. Поневоле приходилось искать ему союзников в Сицилии, Испании и Греции.

Этим-то и объясняются походы римлян во все эти страны в то время, как в Италии война сосредотачивается на защите крепостей и ограничивается маловажными стычками; все эти походы предпринимались лишь затем, чтобы помешать Аннибалу привести в исполнение его гигантский план международной коалиции против Рима.

Дела карфагенян вне Италии шли далеко не блестящим образом. В Сицилии римские легионы храбро сражались с посланными туда карфагенскими войсками. В 212 г. Марцелл осадил Сиракузы, и после мужественного сопротивления город был взят приступом. Правда, Аннибалу удалось затянуть войну, прислав в Сицилию одного из своих способнейших офицеров, но интриги и близорукость карфагенских полководцев испортили все дело, и уже через два года после взятия Сиракуз весь остров был снова во власти римлян.

Не лучше шли дела в Македонии. Римляне искусно воспользовались враждой между македонским царем и греками и помешали Филиппу III исполнить свое обещание — прислать Аннибалу вспомогательное войско. В конце концов, македонский царь заключил мир с Римом.

Серьезнее велась война на Пиренейском полуострове. Сначала Сципиону и брату его удалось проникнуть вплоть до Гибралтара, но Гасдрубал, брат Аннибала, вновь доставил перевес карфагенскому оружию — римляне были разбиты в большом

сражении, и оба Сципиона пали на поле битвы. Зато, когда римляне назначили главнокомандующим в Испанию молодого, необыкновенно талантливого и привлекательного Публия Сципиона, сына консула, раненного в сражении при Тичино, успех сразу и уже окончательно перешел на сторону Рима. Неожиданным и необыкновенно ловким нападением овладел он важнейшим пунктом на восточном берегу Испании, Новым Карфагеном, а через несколько лет почти вся Испания обращена была в римскую провинцию.

В то время как Аннибал терял одну за другой все страны, на помощь которых он мог рассчитывать, война в Италии продолжалась с прежней стойкостью и упорством. Северная Италия была вновь в руках римлян, южная, за исключением немногих крепостей, все еще принадлежала Аннибалу. Но перевес уже, очевидно, был на стороне Рима: медленно и упорно, не щадя жертв, отвоевывали они свои прежние земли, возвращали отпавших союзников. Конечно, Аннибал мог еще рассчитывать на победы, но не на такие, какова была победа при Каннах и Тразименском озере; для этого войско его было слишком незначительно, а римские генералы слишком опытны. Ему оставалось только ждать, пока Филипп Македонский сдержит свое слово и сделает высадку в Италии или же один из братьев приведет подкрепление из Африки; сам же он старался лишь о том, чтобы поддержать безопасность и бодрость своей армии и союзников. Трудно узнать прежний неукротимый, смелый военный гений Аннибала в этой терпеливой, осторожной, оборонительной системе войны; тем более достойно удивления и в психологическом, и в военном отношении, что один и тот же человек с одинаковым совершенством сумел разрешить две столь противоположные задачи.

В это время (около 214 г.) война сосредоточилась преимущественно в Апулии и Кампании: Аннибалу удалось, наконец, овладеть некоторыми греческими городами, как например Тарентом, на юге Италии. Зато римляне возвратили себе несколько кампанских городов; войска их все более теснили Капую и наконец осадили ее. С трудом пробрались капуанские послы сквозь римские укрепления и поспешили к Аннибалу с убедительной просьбой о помощи. Аннибал, надеясь, что при его приближении римляне немедленно снимут осаду, поспешил на помощь к осажденным. Но римские войска продолжали стоять неподвижно, железным кольцом оцепляя Капую. Тогда Аннибал прибег к последнему средству — он двинулся с войском против Рима и остановился в одной миле от города. Много поколений спустя вспоминали римляне об «Аннибале перед воротами

города», но серьезной опасности вовсе не было: карфагенский вождь не думал осаждать Рим — он только хотел отвлечь римлян от Капуи и разорвать блокаду. Но и этот план его не удался: слишком небольшой отряд послали из Капуанского стана вслед Аннибалу. Капуя обречена была на гибель и через несколько времени принуждена была сдаться на милость раздраженного победителя. Над несчастным городом произведена была жестокая, бесчеловечная расправа, и падение его тяжело отозвалось на судьбе Аннибалова предприятия. Два года тянулась осада, и никакие усилия карфагенян не в состоянии были заставить римлян снять ее. Переход Капуи в руки Рима был первым явным признаком его перевеса над Аннибалом, подобно тому, как шесть лет перед тем переход Капуи на сторону Аннибала обозначил собою высшую точку его успехов. Напрасны были усилия Аннибала загладить впечатление, произведенное падением Капуи на его союзников — повсюду преследовали его неудачи: казалось, счастье отвернулось от своего прежнего любимца. Упадок духа и недоверие к успеху карфагенян, овладевшее теперь их итальянскими союзниками, были для Аннибала намного чувствительнее, чем сама потеря Капуи.

Все отпавшие города наперебой старались снискать милость римлян и примириться с ними. В следующем году им удалось взять обратно Тарент, и Аннибалу с этих пор не оставалось ничего более, как держаться в юго-западном углу Италии.

XI

Однако же положение римлян становилось год от года все безвыходнее и ужаснее. Денег вовсе не было; поля большею частью оставались необработанными; многие латинские общины, истощенные и обессиленные войною, наотрез отказались платить подати и посылать вспомогательные отряды. К довершению беды, пришло известие о том, что брат Аннибала, Гасдрубал, пробился к Пиренеям и ведет большое войско на подмогу брату. Весною следующего года небывалое еще бедствие грозило Риму, если бы братьям удалось соединиться в Италии.

Действительно, весною 207 г. Гасдрубал перешел Альпы и вступил в Галлию, оттуда намерен был двинуться на соединение с Аннибалом. Римляне собрали огромное войско, но им не удалось даже помешать Аннибалу пройти в Апулию и расположиться там лагерем, хотя консул Нерон старался всеми силами преградить ему дорогу к северу.

Оставшись в Апулии, Аннибал решил дожидаться там известий от брата. Нерон расположил свои войска напротив Аннибала. Здесь-то, по счастливой случайности, удалось Нерону перехватить депешу Гасдрубала, в которой тот извещал брата о месте, где намерен соединиться с ним. Нерон решился на отважный подвиг; с отборным отрядом в 7 000 человек он покинул лагерь и соединился с другим консулом, ожидавшим на севере прибытия Гасдрубала. При реке Метавре, в Умбрии, произошло сражение: Гасдрубал, застигнутый врасплох, потерпел жестокое поражение и сам пал в битве, подобно отцу своему Гамилькару.

Через четырнадцать дней Нерон снова стоял лагерем против Аннибала, который, ничего не подозревая и не получая никаких известий, не трогался с места. Известие о брате принес ему консул, приказавший бросить голову Гасдрубала к воротам карфагенского лагеря: так отблагодарили римляне своего великодушного соперника, который считал недостойным воевать с мертвыми и с честью похоронил тела римских полководцев — Марцелла, Эмилия Павла и Гракха.

Аннибал понял, что надеялся напрасно и что теперь все было кончено. Он отказался от Апулии и Лукании и удалился в Бруциум, гавани которого представляли для него теперь единственную возможность вернуться на родину. Энергия римского полководца, а еще более счастливое стечение обстоятельств отвратили от Рима опасность, которая может сравниться только с тем, что грозило ему после каннского

поражения и вполне объясняет упорство, с которым Аннибал, несмотря ни на что, все же держался в Италии. В Риме восторг был беспределен; все вновь принялись за свои дела, как в мирное время: каждый чувствовал, что беда миновала.

Но война далеко еще не была кончена. Еще целых четыре года держался Аннибал в Бруциуме. Карфагеняне, испуганные тем, какой оборот приняла война, попробовали было прислать в Италию подкрепление и заключить новый договор с Филиппом Македонским. Но все это было напрасно и не принесло никакой пользы. Спасение родины было возможно, но карфагенские богачи ничего не хотели сделать для этого; теперь же, когда они захотели спасти ее, было уже поздно.

В сенате никто не сомневался в том, что за окончанием войны Карфагена против Рима немедленно последует война Рима против Карфагена, но все же решиться на экспедицию в Африку было далеко не так легко, как могло казаться с первого взгляда. Во-первых, Аннибал был все еще в Италии; но кроме того, для такого похода нужен был талантливый предводитель, а римские полководцы все были или слишком стары, или нелюбимы народом.

В это-то время вернулся из Испании Сципион. Уже давно мечтал он об экспедиции в Африку. Теперь, опираясь на любовь народа, руководимый твердой верой в свой успех и счастье, Сципион добился если не официальной командировки в Африку, то, по крайней мере, набирать охотников в Италии и взять легионы, стоявшие в Сицилии.

В начале 204 года, с 30 000 человек, Сципион отплыл в Африку и благополучно пристал к ее берегам. С первых же шагов карфагеняне стали терпеть неудачи: лагерь их был сожжен римлянами, и уже начаты были переговоры о мире, когда, по совету вождей народной партии, решено было немедленно же послать Аннибалу приказание вернуться в Карфаген. Аннибал, по всей вероятности, не стал бы даже ожидать этого приказания, чтобы идти спасать родной город, если бы, как раз в это время не представилась ему возможность другим путем прийти на помощь Карфагену, возобновив переговоры с Македонией. Как бы то ни было, он немедленно по получении повеления от сената, посадил на суда остатки своих войск и покинул Италию. Радостно вздохнули римляне, узнав, что могучий ливийский лев, которого ничто не могло заставить отступить, добровольно оставил их страну.

XII

Аннибал же беспрепятственно прибыл в Африку и после 36-летнего отсутствия вновь вступил на почву родины, которую покинул, будучи еще мальчиком, чтобы начать жизнь, полную столь великих и все же бесплодных подвигов. Теперь, когда случилось то, что он хотел предотвратить и, конечно, предотвратил бы, если бы было возможно, к нему взывали о помощи и спасении. Аннибал принялся за дело, не жалуясь и не ропща на сограждан. С его прибытием демократическая партия сразу получила перевес; заключенное было с римлянами перемирие нарушили, и при городе Заме произошла решительная битва между римской и карфагенской армиями. Упорно бились с римскими легионами старые солдаты Аннибала; но конница карфагенская приведена была в беспорядок слонами и всадниками нумидийского царя Массиниссы, перешедшего на сторону римлян. Неустойчивость карфагенской городской милиции и нападение на Аннибаловых ветеранов решили дело: битва была проиграна, и сам Аннибал, с горстью беглецов ускакал в соседний Адрумет.

После этого о продолжении войны нечего было и думать. Карфагеняне просили мира, и Сципион даровал им его, хотя и на более тяжких условиях, чем прежде: Карфаген должен был уступить Испанию и все острова Средиземного моря, выдать на сожжение весь флот, кроме двадцати кораблей, не вести войны без позволения римлян и в продолжение пятидесяти лет уплачивать ежегодную контрибуцию в 200 талантов. С принятием этих условий рушились навсегда великие замыслы Гамилькара и Аннибала, и Карфаген из могущественной державы превращался в бессильный купеческий городок; но в сравнении с полной гибелью это все же было спасением, и Аннибал, с истинно геройским присутствием духа, сумел покориться неизбежному несчастью.

Карфагенское господство рушилось. Встревоженные беспрестанными нападениями римского союзника Массиниссы, отнимавшего у них одну область за другою, карфагеняне тщетно посылали в Рим просьбы так или иначе положить конец разбоям ливийцев: римляне оставались глухи к их просьбам. К счастью, не погибла еще народная партия, а во главе ее все еще стоял человек, самое имя которого наводило ужас на римлян. Проницательному, глубокому уму Аннибала и его знанию людей обязан был Карфаген множеством планов финансовых и политических реформ. Олигархическая партия преисполнила

меру своих преступных безумств обвинением Аннибала в утайке добычи и намеренной пощаде Рима; владычеству ее положен был конец, и в городе учреждено было демократическое правление.

Финансы быстро поправились, благодаря строгому контролю и уплате недоимок, так что контрибуция могла быть уплачена даже без особого обременения граждан. Понятно, с каким беспокойством римляне, уже занятые в то время войною в Малой Азии, следили за событиями в Карфагене. Едва ли можно упрекать их за то, что они решили, наконец, потребовать выдачи Аннибала и с этой целью отправили в Карфаген посольство (195 г.). Раздраженные карфагенские олигархи посылали в Рим письмо за письмом, обвиняя Аннибала в сношениях с врагами римлян; но, как ни достойны презрения были они сами, их донесения, по всей вероятности, были справедливы; и хотя посольство римское служит доказательством страха, который продолжал испытывать великий римский народ перед суффетом карфагенским, хотя достоин похвалы протест Сципиона в сенате против такого унизительного образа действий, но все же опасения римлян были основательны, и с их стороны было унизительно оставлять Аннибала во главе карфагенского управления.

Да и сам Аннибал едва ли был особенно удивлен, узнав, какие опасения он внушает римскому правительству: Аннибал, а не Карфаген вел последнюю войну с римлянами, и теперь ему приходилось сносить то, что постигает побежденных. Карфагенянам оставалось только покориться и благодарить судьбу за то, что Аннибал своим немедленным бегством ко двору сирийского царя Антиоха избавил их от величайшего позора. Имущество его было конфисковано, дом срыт и сравнен с землею; сам же он объявлен навсегда изгнанным из отечества.

XIII

Мудрое изречение, гласящее, что боги даруют своим любимцам бесконечные радости и бесконечное горе, вполне применимо к Аннибалу.

Но, даже будучи беглецом, Аннибал не переставал устрашать римлян. Антиох сирийский, самый могущественный из тогдашних малоазиатских царей, уже давно готовился к войне с Римом; теперь же, подстрекаемый Аннибалом и руководимый его советами, он согласился дать ему войско и флот для отправления в Карфаген и возобновления войны в Италии. С Испанией и с Карфагеном велись оживленные переговоры; снова надвигалась на Рим военная гроза. Но и здесь, как и на родине, гениальные планы Аннибала натолкнулись на близорукость и зависть тех, кому надлежало их выполнить.

Придворные царя Антиоха, возненавидевшие карфагенского изгнанника, сумели восстановить против него его покровителя, внушая ему, что слава знаменитого карфагенянина может затмить его собственную. Решено было ни в чем не следовать его советам и употреблять его только для дел второстепенной важности. Аннибал отплатил своим врагам лишь тем, что брал на себя всевозможные дела и блистательно выполнял их все.

Война с Римом, между тем, началась. Но Антиох, переправившийся с войском в Грецию, потерпел там от римлян страшное поражение при Фермопилах, Аннибал, под начальством которого находилась часть сирийского флота, был разбит в Эгейском море союзниками римлян, родосцами. Это было первое сражение на море и последняя битва против Рима великого карфагенского полководца.

Римляне, между тем, последовали за Антиохом в Азию и вторично разбили его при Магнезии. Вскоре после того заключен был мирный договор, одним из условий которого была выдача Аннибала. Но Аннибал предупредил врагов — он бежал сначала на Крит, а потом в Вифинию, к царю Прусию, которого он поддерживал в войнах с врагами, оставаясь, как и всегда, победителем на суше и на море. Известие о том, будто он старался возбудить Прусия к войне против римлян, лишено всякого основания. Римский сенат, по-видимому, считал недостойным тревожить старика в его последнем убежище; но полководец, командовавший римскими войсками в Малой Азии, Фламиний, очевидно, думал оказать великую услугу отечеству, избавив его от Аннибала.

Прусий, самый жалкий из всех царьков Малой Азии, не

задумался оказать эту любезность римскому генералу, и Аннибал, увидев дом свой, окруженный убийцами, принял яд. Он давно ожидал этого, прибавляет его римский историк, потому что знал римлян и не доверял обещаниям царей. Год его смерти неизвестен; по всей вероятности, он умер в 183 г. до Р. Х., на 67 году жизни.

Когда он явился на свет, римляне с переменным успехом боролись за обладание Сицилией; он прожил достаточно долго, чтобы видеть, как подчинился им весь Запад, как овладели они Востоком, подобно тому, как буря овладевает лишенным руля кораблем, и чувствовать при этом, что он один способен был бы управлять этим кораблем. Когда он умирал, все надежды его давно уже рухнули, и близка была гибель Карфагена[2]; но Аннибал в продолжение 50 лет честно исполнял клятву, данную им в детстве.

ЮЛИЙ ЦЕЗАРЬ

***По соч. Фулера*[3]**

I

Италия, самая прекрасная из стран Европы, была родиной многих великих людей — писателей, художников, государственных деятелей и пап. Она произвела двух великих поэтов, Виргилия и Данте, и два раза, во времена смут и хаоса, в ней появился могущественный вождь, который положил конец анархии и осуществил на деле принцип объединения.

Юлий Цезарь явился на свет в такое время, когда мир был полон сомнений и опасностей, и когда стояли на очереди такие задачи, которые только весьма немногие могли понять, а тем более разрешить.

Рим в течение нескольких столетий приобрел верховную власть над Лациумом, Италией, над всем древним миром. Этим он был обязан частью суровому и упорному характеру своего населения, его привычке к самообладанию и послушанию, выработанной в нем строгой семейной жизнью и религией, частью же своей конституции, т. е. своему политическому строю, обратившемуся мало-помалу в узкую и крайне деятельную олигархическую систему, при которой управление сосредоточивалось в руках немногих лиц. Внешним выражением этой системы был сенат, или совет трехсот, все члены которого были знакомы с государственной службой. В течение долгих войн сенат выказал необыкновенные административные способности и настойчивость в преследовании цели. Должностные лица, избираемые только на один год, подчинялись решениям сената и, когда истекал срок их службы, делались пожизненными его членами. Народ, которому верховная власть принадлежала только в теории, избирал сановников из фамилий, прославившихся в сенате, и утверждал одобренные сенатом законы.

Такого рода управление было более подходящим во время войны, чем во времена мира. Когда великие войны были окончены, то древняя доблесть правителей Рима стала портиться благодаря приобретенному могуществу и притекшему в Рим богатству. В руках римских сановников находилась половина земель всей Италии; посылаемые управлять покоренными землями, они притесняли население и обогащались за его счет. Богатство развратило и ослабило их; они перестали поддерживать прежнюю строгую дисциплину в армии, а в Риме гнались только за личными выгодами. Древняя римская семья также начала разлагаться, древняя религия потеряла прежний авторитет. С греческой риторикой и философией в Риме явилась любовь к

греческому искусству и литературе, которые не могли заменить для людей, призванных управлять миром, древней веры и древней чистоты нравов. Но тем не менее Тиберий и Кай Гракхи напрасно старались ослабить сенат и вернуть верховную власть народу: они оба пали жертвою своих стремлений.

Наконец, во время двух больших войн, крайне плохо руководимых сенатом, возвысился полководец из народа и привлек на свою сторону римскую армию. За сто лет до Р. Х. Рим находился несколько месяцев в руках Мария; но и Марию пришлось уступить авторитету сената, и в Риме снова водворилась олигархия.

Марий был родом из итальянского города Арпинума; он взял себе жену из древней и известной фамилии. Женою его была Юлия, приходившаяся теткой по отцу тому великому человеку, жизнь которого мы имеем в виду описать. Племянник ее, Кай Юлий Цезарь, родился в 102 г. до Р. Х. (а может быть, и двумя годами позднее), когда Марий оканчивал свою блестящую военную карьеру.

Государство находилось в это время в весьма печальном положении. Границы его были плохо защищены, и полководцы, которым вверено было это дело, были ненадежны. В покоренных землях, названных провинциями, должно было быть введено справедливое управление и приняты меры к их объединению при помощи романизации, т. е. распространения римской образованности и системы управления. Сама Италия была недовольна и требовала для себя прав римского гражданства. Столица кишела пестрым, ленивым и голодным населением, которое претендовало на название «римского народа» и стремилось издавать законы для всего государства. Сенатская система управления распадалась на части; господство толпы и господство солдат сменяли друг друга. Распределение богатств было крайне не равное; имущие и бедняки принимали друг против друга угрожающее положение, и сами держались на системе рабства, которой не было равной по ее унизительности. Сами рабы представляли собою постоянную опасность государству. На морях свободно действовали пираты, в Италии процветали разбой и убийства. Понятия о верности, послушании, самообладании становились все более редкими среди правителей. Рим был на краю гибели, и если в это время римское государство не распалось на части или не было покорено каким-нибудь восточным деспотом, то этим оно было обязано Юлию Цезарю. Вся последующая история Европы, несомненно, носит на себе печать его политического гения.

II

Цезарь принадлежал к одному из древнейших римских родов, члены которого занимали не раз высшие должности в государстве. Род Юлиев производил себя от Аскания или Юла, основателя Альбы Лонги, сына Энея и внука Венеры и Анхиза. Честолюбивый Цезарь всегда пользовался случаем напомнить своим современникам об этом предании, придававшем еще больший блеск его имени.

Об отце Цезаря почти ничего неизвестно. Мать его, Аврелия, была римской матроной старого закала, сильной женщиной, умевшей владеть собою и глубоко принимавшей к сердцу интересы своего единственного сына.

О воспитании Цезаря мы почти ничего не знаем. Учителем его был некто Гниф, родом галл, человек замечательно способный и хорошо знавший латинский и греческий языки. Очень возможно, что Гниф заложил в своем ученике интерес к своим соплеменникам, но достоверно нам неизвестно, ни каково было влияние Гнифа на Цезаря, ни кто были еще его наставники. В семьях древних римлян хранились высокие понятия о справедливости, самопожертвовании, послушании, и эти добродетели поддерживались из поколения в поколение примером, привычкой и дисциплиной. Но во времена Цезаря дети поручались попечениям рабов, которые едва ли могли научить их римской доблести; молодые римляне поверхностно занимались греческой литературой и философией только ради моды, не почерпая из этих занятий ни политических задач, ни любви к истине, ни стремления к нравственной высоте. Поэтому Цезарь, хотя и поставленный в благоприятные домашние условия, вероятно, был обязан своим образованием главным образом самому себе. К сожалению, все подробности его усилий в этом направлении скрыты от нас. Мы знаем только, что с годами в нем развивались самообладание, любовь к труду, сознание долга, политическая проницательность и познание человеческой природы. Особенно усердно занимался он умственно со времени своего первого похода в Галлию; можно сказать, что до конца своей жизни он не переставал учиться, делать заметки, идти вперед.

Не мешает кратко описать наружный вид Цезаря на основании дошедших до нас преданий и изображений. Он был высокого роста, лицо имел бледное, глаза черные и живые. Большой рот со сжатыми губами, высокий лоб, орлиный нос, мощное очертание головы, выражение суровое, задумчивое и

даже несколько угрюмое — таков Цезарь на всех статуях. Он смотрел строгим наставником всего мира, и резкие черты его не носили на себе отпечатка более мягких сторон его натуры — преданности друзьям и любви к женщинам.

Цезарь обладал отличным здоровьем и был способен к беспрерывной деятельности. Он был искусный воин и наездник, хороший пловец. Все современники признавали умеренность его в употреблении вина, хотя это не влекло за собой воздержанности в других отношениях. В сношениях с людьми он отличался постоянством, хладнокровием и неизменной учтивостью. В общем его физическое сложение вполне отвечало его душевным способностям, и к нему могли быть применены слова Плутарха о Кае Гракхе: «Он всегда сохранял известную суровость обращения наряду с добрым расположением к людям».

Цезарь был еще мальчиком, когда разразилась междоусобная война, и все симпатии его были и оставались на стороне Мария, избавителя отечества от варваров, и народной партии, а не на стороне себялюбивого сената. В 88 году, когда поднят был в сенате вопрос о назначении Мария предводителем в войне с понтийским царем Митридатом, консул Сулла, стоявший во главе аристократической партии, напал со своими приверженцами на Рим и одним ударом сломил власть сторонников народа. Марий бежал, и сенатская конституция восторжествовала. По удалении Суллы из Италии во главе народной партии встал Цинна, добивавшийся, подобно Марию, дарования прав римского гражданства жителям Италии. Цезарь с глубоким интересом следил за этой борьбой. Марий уже успел обратить на него внимание И назначил его жрецом Юпитера. После смерти Мария. Цезарь женился на Корнелии, дочери Цинны, с которой счастливо прожил шестнадцать лет.

В 82 г. Сулла вернулся в Рим и нанес окончательный удар марианцам. Цинна был убит, молодой Марий — заключен, и Сулла, признанный диктатором с неограниченной властью, начал истреблять сколько-нибудь выдающихся приверженцев народной партии.

Цезарь был еще слишком молод, чтобы сделаться жертвой. Сулла удовольствовался тем, что велел ему развестись с дочерью Цинны. Цезарь отказался, хотя за этот отказ лишился приданого своей жены, своего жреческого сана и своего состояния. Благодаря ходатайству друзей, Сулла, однако, простил Цезаря, но посоветовал его заступникам следить за юношей, «который так свободно носит свой пояс».

III

Не желая вторично подвергать себя гневу диктатора, Цезарь отплыл в Малую Азию, где и оставался до смерти Суллы. Там только что возобновилась война с Митридатом, и киликийские морские разбойники, ничем не сдерживаемые, грозили безопасности приморских городов. При осаде Митилены, последнего города, державшего сторону Митридата, Юлий Цезарь спас жизнь одного римского солдата и за это получил от поставленного Суллой полководца «гражданский венец». Цезарь принимал также участие в борьбе с пиратами, но, узнав о смерти Суллы, вернулся в Рим.

Конституция, введенная Суллой, была ненадежна, так как она не была сообразована с потребностями и силами римского государства. Истинных приверженцев Суллы было немного, и между ними не было талантливых политических деятелей. Поэтому Цезарь продолжал сочувствовать противникам порядка, установленного Суллой. Когда молодой Цицерон в своей речи в защиту Росция публично напал на Суллу, Цезарь решил обратить серьезное внимание на ораторское искусство.

В 77 г. Цезарь выступил на римском форуме обвинителем бывшего проконсула Македонии, Долабеллы, в незаконных вымогательствах в вверенной ему провинции. Хотя Цезарь и проиграл это дело, но успел произвести впечатление своим заявлением, что сенатские судьи подкуплены. Он попытался еще раз обвинить некоего Антония, обогатившегося грабежами в Греции; но опять-таки ему не удалось подействовать на судей.

После вторичной своей неудачи Цезарь решил ехать учиться красноречию к лучшему учителю своего времени. Он отправился для этой цели в Родос, где учил риторике знаменитый Аполлоний Молон. По дороге в Родос, Цезарь был взят в плен пиратами, которые свободно разъезжали по морям, смеясь над неумелостью и продажностью начальников римского флота. Товарищи Цезаря были отправлены за выкупом, и в течение 40-дневного пребывания своего у пиратов Цезарь держал себя с ними, как будто они были его телохранителями, принимал участие в их играх и упражнениях, читал сочиненные им самим стихотворения и речи; когда же они ему не аплодировали, он называл их невежественными варварами и, смеясь, грозился всех их повесить. Впоследствии он привел в исполнение эту угрозу. Получив свободу, он вооружил несколько кораблей в Милет, напал на пиратов, захватил большую их часть в плен, и, решив распорядиться с ними самовластно, приказал распять их всех на

крестах.

В Родосе Цезарь сделался учеником Аполлония, у которого раньше учился Цицерон, вероятно, направивший Цезаря к бывшему своему учителю. Цезарь, впрочем, был слишком деятельной натурой, чтобы находить удовольствие в изучении одних тропов и фигур. Он скоро покинул Аполлония, что, однако, не мешало ему сделаться одним из величайших ораторов своего времени, уступающим только Цицерону.

Римское господство в Азии было в это время в слишком большой опасности. Митридат вел переговоры с царем Армении и с пиратами и напал на римлян, армия которых в Азии была весьма незначительна. Цезарь не занимал никакого официального положения, но, понимая опасность, собрал войско из волонтеров и вытеснил из провинции полководца царя Митридата. Затем он распустил свое войско и зимою 74— 73 г. прибыл в Рим.

В это время Цезарю было уже около 30 лет, и он приобрел уже значительную опытность. В Риме он был избран понтифексом (жрецом) и военным трибуном. Посвященный в общественные и военные дела, вкусивший греческой культуры, но не расслабленный ею, Цезарь обладал всем, чтобы приобрести расположение своих соотечественников и играть видную политическую роль, которая в то время требовала более, чем когда-либо, уменья скрывать свои мысли.

Во главе римских армий стояли тогда три полководца: Помпей, сторонник введенного Суллой порядка, воевал с марианцами, удалившимися в Испанию вместе со своим полководцем Серторием; начальником армии в Италии был Красс, а в Азии — Лукулл. Из них самым молодым и выдающимся был Помпей, который уже при Сулле приобрел славу великого полководца. После целого ряда походов против Сертория, Помпей вернулся в Италию, где в 71 г. окончательно истребил рабов-гладиаторов, восстание которых подавлено было армией Красса. Оба полководца, Помпей и Красс, считавшие себя спасителями Италии от анархии, вернулись в Рим со своими ветеранами; и с уст каждого гражданина готов был сорваться вопрос, довольны ли они будут своим положением и останутся ли они послушными слугами сената или же захватят в свои руки военное господство?

Момент был в высшей степени критический. Судьба Рима зависела от образа действий и характера этих двух людей, и Цезарь должен был хорошо сознавать, что в их руках находится и его будущность. Помпей был только шестью годами старше его и не имел ни знатных предков, ни способностей, ни образования, которые могли бы обеспечить его влияние. Но он имел нечто гораздо более важное — репутацию опытного полководца и

поддержку победоносной армии. Красс был старше и опытнее Помпея; его огромное богатство давало ему возможность иметь скрытое влияние, и у него также было войско, которое и подавило, главным образом, восстание рабов. Но Красс не имел в себе ничего такого, что могло его сделать героем в глазах его современников. Этот человек не внушал к себе доверия, а утомленный римский мир желал именно доверять всецело кому-нибудь. Если бы Помпею и Крассу пришлось бы столкнуться в борьбе за обладание Римом, то преимущество оказалась бы на стороне Помпея, несмотря на его тщеславие и неопытность в государственных делах, ибо это был один из влиятельных людей, который пользовался уважением и доверием различных партий. Доверие это имело известное основание, так как в течение своей долгой и разнообразной деятельности Помпей никогда не терял приобретенной им репутации.

Но ни Помпей, ни Красе не желали междоусобной войны и решились действовать единодушно, преследуя свои политические цели. Они не могли соединиться, чтобы управлять силой, и не хотели соединяться, чтобы вместе служить презираемому ими сенату; поэтому, несмотря на то что оба они были вскормлены школой Суллы, они решили действовать заодно как вожди народной партии. В 70 г. оба они были избраны консулами и отменили все новые постановления, служившие к возвышению сената. Таким образом, конституция Суллы погибла, и то, чего демократическая партия добивалась целыми годами борьбы, было достигнуто одним ударом. Правда, удар этот исходил от лиц, армии которых стояли за стенами Рима.

IV

Новое направление политики вполне согласовалось с чувством Цезаря, так как открылись новые пути для развития конституции. Помпей и Красс еще до прошествия года своего консульства распустили свои войска, уступая, по-видимому, место более молодым честолюбцам. Таким образом, перед Цезарем открылось обширное поле действий.

В 79 г. Цезарь, впрочем, не занимал еще никакого положения, а потому и не имел доступа в сенат. Но в следующем году он был избран квестором и должен был отправиться в Испанию. Перед самым отъездом умерла его жена, дочь Цинны, а также и тетка его Юлия, вдова Мария. Он воспользовался случаем сделать демонстрацию в честь памяти Мария и его почти совершенно угасшей партии. По настоянию Цезаря, в погребальном шествии Юлии несли бюст Мария, и это могло считаться доказательством того, что кончилось господство порядка, введенного Суллой. Цезарь произнес над женой и теткой надгробные речи, которые, быть может, были внушены искренним чувством, но вместе с тем имели в виду напомнить непостоянному населению форума имени Мария и Цинны и намекнуть, что существует лицо, которое готово действовать в их духе.

После похорон он отправился в Испанию, но о деятельности его в качестве квестора почти ничего не известно. Вместо того, чтобы коснуться действительно интересных сторон пребывания Цезаря на Западе, древние его биографы передают нам далеко не достоверный рассказ о посещении Цезарем храма Геркулеса в Кадиксе, где, при виде статуи Александра Великого, он будто бы стал сокрушаться о собственном ничтожестве, между тем как в его годы Александр победил весь мир. По словам Светония, это размышление заставило его просить об отставке и вернуться в Италию.

По дороге в Рим Цезарь впервые познакомился с народом, которым ему впоследствии пришлось управлять. Это были транспаданские галлы, жившие севернее реки По, народ сильный и свежий и уже начавший выдвигать из своей среды выдающихся людей. Сулла определил границей Италии Рубикон, маленькую реку, впадающую в Адриатическое море, а вся страна галлов, орошаемая рекой По, стала считаться одной провинцией, причем население южного берега получило права полного римского гражданства, тогда как северные галлы получили права более ограниченные, известные под названием латинского права.

Транспаданские галлы стремились получить права римского

гражданства, и Цезарь, побывавший во многих их городах, обещал оказать им помощь в этом деле. Осуществить это справедливое стремление галлов Цезарю суждено было лишь через 20 лет.

Вернувшись в Рим, Цезарь сблизился с Помпеем, который в течение 20 лет. был сначала его другом, потом соперником и, наконец, врагом. Помпею уже успела надоесть спокойная жизнь, тем более, что потребность в то время в даровитом полководце была весьма настоятельна.

В 67 г. трибун Габиний внес в сенат предложение дать Помпею неограниченную власть в борьбе с пиратами, чтобы он мог уничтожить этих дерзких врагов государства. Предложение было принято, и Помпей получил неограниченное господство над всем Средиземным морем и над 50-ю милями береговой линии в каждой провинции, примыкающей к морю. По другому закону Габиния Лукулл был отозван из Азии с тем, чтобы место его впоследствии мог занять Помпей. Помпей без промедления взялся за новое дело организации и завоевания Востока и скоро сделался не только величайшей военной фигурой своего времени, но надеялся приобрести положение повелителя всего цивилизованного мира. И можно сказать, что только благодаря своей политической слабости, Помпей не сумел воспользоваться обстоятельствами, чтобы положить конец господству сената, как сумел это сделать впоследствии Цезарь.

Неизбежность единодержавия была уже очевидна. Беспечность сената, восстановление законодательной власти трибунов, возрастание значения полководцев, посылаемых в провинции, преобладание военного элемента в государстве — все это доказывало, что неограниченное господство одного лица необходимо. Собственно говоря, республика перестала уже существовать, когда Помпей получил верховную власть над Средиземным морем. Но римляне были чрезвычайно консервативны и упорно держались древних форм. Несмотря на всю свою слабость, сенат пользовался еще большим обаянием, и сенатское управление казалось каждому римлянину законом. Переворот произошел лишь двадцать лет спустя; но еще целые столетия после того сенат продолжал существовать, как последний остаток республиканских форм.

Помпей быстро очистил Средиземное море от пиратов и сделался главнокомандующим римскими войсками в войне с Митридатом, уже сильно подвинутой вперед Лукуллом. Он положил конец могуществу Митридата, добился изъявления покорности царя Армении, Тиграна. и присоединил к государству большую часть владений этих царей. Малая Азия подпала вся под власть Рима; Сирия была сделана римской провинцией. Помпей

взял Иерусалим и присоединил Иудею к Сирии.

Все эти завоевания доставили Помпею славу величайшего человека в мире, и теперь от него зависела организация центрального управления в Риме. Ему ничего не стоило бы захватить в свои руки верховную власть и поддерживать ее при помощи армии, не примыкая ни к одной из политических партий. Но никто не знал, как будет действовать Помпей; его военное могущество висело над государством, как туча, готовая разразиться, и потому вожди политических партий были лишены возможности действовать решительно.

V

Цезарь с беспокойством следил за возвышением Помпея и, подобно прочим вождям партий, интриговал и строил планы, продолжая свою службу государству. В 65 г. он был избран эдилом; обязанностью его было заботиться об общественных зданиях и поддерживать хорошее настроение в народе с помощью великолепных игр и зрелищ. Вероятно, Красс снабжал Цезаря необходимыми для этого денежными средствами. Цезарь украсил новыми колоннадами форум, базилики и даже Капитолий. Когда в праздники богини Цибелы и римских игр на него была возложена обязанность организатора игр, он выставил на арену не менее 320 пар гладиаторов; говорили, что число их было бы еще больше, если бы сенат не боялся впустить в город такую страшную силу. Велико было изумление и радость народа, когда однажды утром он увидел на прежнем месте трофеи Мария, захваченные в войнах с кимврами и с Югуртой, ранее удаленные Суллой из Капитолия: водворение их в Капитолии было делом Цезаря.

Все это делалось, разумеется, для привлечения на свою сторону народа и для приобретения положения вождя демократии, тем более, что ни Помпей, ни Красс не пользовались особенной популярностью народа. Цезарь поддержал также аграрный закон трибуна Сервилия Рулла, который предлагал поселить беднейших граждан на обширных землях Кампании и в других местах, рассчитывая таким образом уменьшить огромную пропасть между богатыми и бедными гражданами. Закон Рулла имел в виду, между прочим, усилить партию нового консула — Цицерона, вступавшего в должность в 63 г.; впрочем, в сущности, закон только и достиг этой своей косвенной цели. Благодаря своему таланту, Цицерон уже приобрел значительное влияние в Риме, но никто не знал, к какой партии он примкнет или в чьих интересах будет действовать в качестве консула. Сам он старался расположить к себе все партии; но в день избрания своего в консулы он прямо заявил, что желает поддерживать конституцию, и выразился против закона Рулла, говоря, что он направлен против народных интересов. Закон не был принят: это была первая и единственная победа Цицерона над Цезарем, и на некоторое время демократы были лишены возможности возвышать свой голос.

Во время консульства Цицерона освободилась должность великого жреца или понтифекса, и Цезарь всячески добивается этого положения, так как в случае успеха он должен был

оказаться во главе всей римской религиозной системы и играть видную роль в политике. Он имел право быть избранным на эту должность, но молодость и его демократическое направление говорили против него. Тем не менее собрание жрецов избрало его значительным большинством голосов, отдав ему предпочтение перед более старыми и консервативными кандидатами. Это был совершенно исключительный случай, что человек, который не был еще претором, достиг такого высокого и постоянного звания. Рассказывают, что, выходя из дому в день избрания, Цезарь поцеловал свою мать и сказал ей, что или вернется победителем, или навсегда покинет Рим.

Вскоре после того народ избрал Цезаря претором, т. е. одним из начальников судопроизводства. Но конец 63 г. замечателен последней отчаянной попыткой демократической партии захватить власть, предупредив таким образом Помпея. Это был знаменитый заговор Каталины, в котором, впрочем, настоящие вожди демократии не принимали открытого участия. Цезарь и Красс, вероятно, знали о заговоре, но сохранили за собой право действовать по собственному усмотрению, если бы заговор этот не имел успеха.

Каталина, уже два раза потерпевший неудачу при избрании в консулы, решил попытать счастья в третий раз в интересах всех недовольных классов Италии, в числе которых находились и ветераны Суллы, и безземельный народ, и сыновья изгнанных марианцев, и разорившиеся столичные аристократы, и ленивые пролетарии. Транспаданские галлы и даже рабы готовились примкнуть к восстанию, направленному против богатых классов и имевшему целью предупредить верховное господство Помпея над римским государством. Если бы Каталина не был избран, то в Италии должна была образоваться армия, город должен был быть предан огню и среди общего смятения должны были осуществиться все притязания демократов.

Но дело не выгорело, Сенатская партия отложила выборы и решила избрать своих кандидатов. Заговорщики начали было уже действовать, но планы их были открыты Цицерону. Катилина бежал из Рима, и приверженцы его, оставшиеся в Риме, были арестованы. Цицерон в заседании сената предложил вопрос, как должно поступить с заговорщиками? Силан, новоизбранный консул, объявил, что они должны быть казнены. Но затем Цезарь высказался против казни заговорщиков, и в этом можно видеть его здравый смысл и политическую дальновидность. Признавая преступность заговорщиков, Цезарь все-таки продолжал стоять за конституционную свободу, прекрасно сознавая, что сенат не заслуживает доверия, и что насильственные методы могут только

способствовать насильственным методам демократии, если она когда-нибудь достигнет власти.

Но Цицерон и Катон думали иначе и призывали сенат к сильному образу действий и спасению государства. Под их влиянием большинство подало голос за немедленную казнь заговорщиков, которая и была приведена в исполнение. Цицерон сделался на время кумиром испуганного народа, вовсе не желавшего, чтобы город был предан огню и мечу. Цезарь был так непопулярен, что едва не был убит на пути из сената домой. Заговору скоро был положен конец поражением и смертью Каталины в Этрурии, и обе партии стали с тревогой ожидать возвращения Помпея, который достиг в это время высшей точки своего могущества.

Цицерон, сознавая бессилие сената, писал Помпею в льстивых выражениях, призывая его стать на сторону конституции. Цезарь же прибег к более умной политике: он сумел показать Помпею, что разделяет его интересы и в то же время стал выжидать, что он станет делать.

Когда Помпей высадился в Брундизиуме, то настроение в Риме было крайне напряженное. Но туча внезапно рассеялась. Вместо того, чтобы вступить в Рим неограниченным повелителем, опирающимся на победоносную армию, Помпей распустил свои легионы, отказался от военной монархии и медленно направился в Рим, претендуя только на триумф и на влияние, какое мог иметь могущественный победитель, верный республике. Этот поступок был в глазах римлян не столько актом самоотвержения, сколько актом глупости, и велико было общее изумление, когда Помпей предпочел положение вождя государства без всякой силы положению неограниченного диктатора.

VI

Времена были слишком серьезные, чтобы римское государство могло удовольствоваться фантастическим господством пустого обаяния. Помпей был слишком невежествен и неискусен, чтобы держаться одним своим моральным влиянием. Цезарь понимал положение дел гораздо глубже. Со времени отказа Помпея от верховной власти, он ясно понял свой путь. Честолюбие загорелось в его душе — не то честолюбие, которое задается целью воскресить почти угасшую политическую партию или же преследует только свои личные выгоды; это было непреодолимое желание захватить в свои руки истинные источники власти, чтобы употребить эту власть во благо государства, основываясь на принципах своей партии.

О деятельности Цезаря в качестве претора, обязанности которого были судебного характера, мы не имеем известий. Но каждый претор, по истечении года, становился пропретором и правителем провинции. Цезарю досталась Испания, где он служил уже в качестве квестора, но он отсрочил свой отъезд на некоторое время отчасти из желания следить за Помпеем, отчасти из затруднительного положения относительно своих кредиторов, но, главным образом, вследствие процесса Клодия, навлекшего подозрение в неверности на жену Цезаря, Помпею. Цезарь развелся с Помпеей, находя, что «жена Цезаря не должна даже подвергаться подозрению»; но Клодий был оправдан, несмотря на очевидность своей вины, так как он подкупил судей. Этот исход процесса ясно обнаружил слабость партии сената, к которой принадлежали судьи, — и Цезарь мог спокойно ехать в Испанию, не опасаясь, что Помпей примкнет к его политическим противникам. Цезарь понял и оценил Помпея вполне, и Помпей понимал, что ему гораздо выгодней добиваться дружбы Цезаря, чем дружбы Цицерона, который льстил Помпею в глаза, а за спиною смеялся над ним. С Крассом Цезарь был также в хороших отношениях и занял у него огромную сумму в 800 талантов, чтобы перед отъездом из Италии удовлетворить своих кредиторов.

Мы имеем мало точных сведений о пребывании Цезаря на Пиренейском полуострове; известно, что он предпринял два похода против горных племен далекого Запада, которые, вероятно, делали нападения на римлян и покоренных ими жителей долин Таго и Гвадалквивира. Первый поход был совершен в нынешнюю Португалию, второй в Галисию, где армия Цезаря, по-видимому, проникла до Атлантического океана.

Цезарь, провозглашенный солдатами императором (военачальником), торопился в Рим к консульским выборам. Сенат назначил ему триумф; но Цезарь не мог законным путем проникнуть в город, не сложив с себя военной власти со всеми ее внешними знаками, а без этого триумф был невозможен. Таким образом, ему пришлось выбирать между кандидатурой на консульство и триумфом. Он не колеблясь отказался от триумфа и был избран консулом одновременно с сенатским кандидатом Бибулом.

Цезарь мог теперь действовать в пользу демократии. Но он должен был ожидать сопротивления и препятствия на каждом шагу и потому вступил в союз с Помпеем, на стороне которого были военные силы государства, и с Крассом, обладавшим огромным количеством золота. Союз этот известен под названием первого триумвирата (60 г.). Помпей и Цицерон были враги, но Цезарь сумел примирить их. Катон, защитник сената, не мог быть желателен для этого союза, и Цицерон был слишком переменчив в своей политике и слишком слаб характером, чтобы пользоваться доверием хотя бы одного из своих прежних друзей. Союз Помпея, Цезаря и Красса был ни чем иным, как попыткой сильного человека, достигшего высшей должности, направить свою деятельность в пользу демократических принципов, соединив свои интересы с интересами самых влиятельных лиц в государстве. Естественно, что когда эта политика приняла определенную форму, она вызвала против себя оппозицию, и оппозиция эта заставила считать союз, сам по себе почтенный, за нечто вроде трехглавой тирании. Конечно, каждый из членов триумвирата задавался честолюбивыми планами относительно управления провинциями и предводительства войсками; но такие планы строил каждый римлянин, возвышавшийся на политическом поприще, и мы не можем доказать, что в начале Цезарь, Помпей или Красс серьезно думали о разрушении старой конституции. Союз был подкреплен браком Помпея с Юлией, дочерью Цезаря; Цезарь же женился на Кальпурнии, дочери Пизона.

Товарищ Цезаря по консульству, Бибул, преданный слуга сената, представлял собой тщетную оппозицию всем мерам демократического характера, которые с успехом проводил Цезарь. Бибул сначала пользовался правом одного консула останавливать действия другого, но солдаты Помпея увели его с форума. Тогда он объявил, что намерен «наблюдать небо» в каждый день собрания, и таким образом не давать хода мерам, предлагаемым Цезарем. Но сенаторы не оказали ему поддержки, боясь народа, и Бибул заперся в своем доме, и в течение остальных восьми

месяцев своего консульства дулся, как капризный ребенок.

Цезарь между тем не терял случая действовать в пользу тех же самых политических принципов, на стороне которых он стоял всегда. По его предложению мероприятия сената стали обнародоваться и сделались таким образом доступными общественному мнению. Он провел аграрный закон, подобный закону Рулла, принял меры к лучшему управлению провинциями и к прекращению в них злоупотреблений, доходивших до ужасных размеров. Он предложил меру, препятствующую подкупу лиц, занимавших государственные должности, — а подкупность слуг сената была в то время позором государства. Законодательство Цезаря касалось всего пространства между Евфратом и Таго. Цезарь сумел показать в этот год своего консульства, как далеко простираются обязанности римского управления и насколько немыслимо исполнение их, когда в центре царствует несогласие. Уничтожить эти несогласия можно было только военной силой, во главе которой стоял бы разумный государственный человек. Цезарь стал понимать это при начале своего консульства; через несколько лет, впрочем, это сделалось ясно и сенату.

VII

Сенат желал сделать Цезаря безвредным, насколько возможно, по окончании его консульства; проконсульство его (бывший консул обыкновенно получал в управление какую-нибудь провинцию и становился в ней проконсулом) должно было состоять не в управлении провинцией, а в наблюдении за дорогами, лесами и общественными работами в Италии, без легионов и без свободы. Но это было вовсе не по вкусу Цезарю. Народ принял его сторону, и трибун Ватиний предложил отменить распоряжение сената и дать Цезарю в управление Цизальпинскую Галлию или Северную Италию на 5 лет с тремя легионами. По настоянию же Помпея, сенат присоединил к этому еще управление провинцией Галлией, находившейся по ту сторону Альп, и дал в распоряжение Цезаря еще один легион для защиты провинции от вторжения с севера и с востока. Никто — даже сам Цезарь — не подозревал в это время, что таким образом перед ним открывалось поле завоеваний, которые повлекут за собой более прочные результаты, чем завоевания Александра Великого.

Цезарь оставался в Риме, пока не обеспечил избрание в консулы своих друзей, и в марте 58 г. до Р. Х. отправился в страну, которая с тех пор неразрывно связана с его именем.

Мы не станем описывать замечательную деятельность Цезаря в течение следующих 8 лет. Никакая часть его жизни не была изображена с такой подробностью. Поэтому достаточно будет в нескольких словах очертить мастерские походы, которыми свободный и сильный народ был доведен до полного подчинения. В первый поход Цезарь выиграл две важные битвы. Он одержал победу при Аутуне над гельвециями, которые намеревались покинуть Швейцарию и поселиться на плодородных землях берега Средиземного моря, и принудил их остаться на родине. Более благородным врагом были германцы под начальством Ариовиста, которого Цезарь во время своего консульства объявил другом римского народа. Близ Мюльгаузена Цезарь наголову поразил Ариовиста и прогнал германцев за Рейн. Эта река сделалась теперь границей римского государства. Центральная Галлия и германцы после этих битв должны были хранить спокойствие.

Непокоренным оставалось еще воинственное племя белгов. Цезарь выступил против них в 57 г. и уничтожил их союз. Затем он разбил наголову племя нервиев; венеты и прибрежные жители были покорены, между тем, Публием Крассом, и тогда независимыми от римского господства оказались только

некоторые северные племена. Но венеты в 56 г. восстали против Рима; к восстанию примкнули все галлы от Луары до Рейна, и Цезарь, приняв меры для безопасности севера и юга, напал на венетов с моря. Он уничтожил сильный флот венетов и продал пленников в рабство, всех до одного человека. Затем он направился против северных племен, оставшихся непокоренными; но они были так хорошо защищены естественными условиями своей страны, что Цезарю не удалось справиться с ними. За этим исключением, вся Галлия была принуждена к покорности в три похода.

Теперь Цезарь направил свое оружие против германцев, уничтожил совершенно две их армии, изменнически лишив их предводителей. Построив мост через Рейн, пробыл 18 дней на той стороне его. В том же 55 году он совершил свой первый поход в Британию, куда влекло его главным образом желание оторвать страну от кельтского союза; Британия была убежищем политических беглецов. Жители острова мужественно сопротивлялись римлянам, и Цезарь, наконец, вынужден был отступить; но он был так недоволен результатами похода, что предпринял новое нападение на Британию в 52 г. На этот раз он проник глубже внутрь острова и перешел через Темзу, но бритты и теперь отстояли свою страну. Цезарь должен был удовольствоваться тем, что захватил заложников, а затем удалился в Галлию, жители которой сделали последнее усилие для возвращения своей свободы.

Воодушевленные сопротивлением жителей Британии и германцев, галлы в различных местах напали на римские гарнизоны. Войска, находившиеся под начальством Аврелия Котта и Титурия Сабина, были уничтожены; нервии напали на Квинта Цицерона, но Цезарь вовремя успел оказать ему помощь, а затем казнил влиятельного царя карнутов, Акко. Смерть Акко возбудила его одноплеменников к еще более единодушным действиям против римлян. Во главе восстания стали арвернцы, находившиеся под начальством Верцингеторикса, замечательного героя, сумевшего придать блеск этой последней безнадежной борьбе. Он повел войну с римлянами по новому плану. Вместо того чтобы защищать от них каждый город отдельно, решено было сосредоточить все свои силы на известных пунктах, а именно: в Аварикуме, Герговии и Алезии. Первый из этих городов взят был весною 52 г.; при осаде второго, столице арвернцев, Цезарь потерпел поражение.

Звезда Цезаря начала меркнуть. Эдуи, которые до тех пор колебались присоединиться к восстанию, теперь приняли в нем участие, и вся нация поднялась как один человек, чтобы сбросить

с себя иго Цезаря. Борьба сосредоточилась вокруг Алезии, где Верцингеторикс, верный своей тактике, укрылся с 80 ООО пехоты и с 25 ООО конницы. Цезарь обложил укрепление со всех сторон. Между тем отовсюду стекались огромные полчища галлов на помощь своему вождю. Цезарь, таким образом, оказался в положении осаждающего и осажденного. Но он сумел отразить нападение галлов, и Верцингеторикс, войско которого было истощено голодом, отдал себя в руки победителя. Этой победой Цезарь предотвратил вторжение варваров в Италию на целые пять столетий.

В 51 г. произошло окончательное умиротворение Галлии. Цезарь совершил свое дело покорения Галлии в 8 лет. Галлия никогда больше не делала попыток к восстанию, оставаясь богатой и довольной частью римского государства. Ни в одной стране, подвластной Риму, не привились с такою полнотою язык, законы и цивилизация римлян. Беспокойные орды недисциплинированных племен были искусно обращены Цезарем в союзников, довольных своим положением.

Цезарь, замечательный как исторический писатель, с удивительным беспристрастием описал свои походы в Галлию, Германию и Британию от 57 до 51 г. до Р. Х. в своих «Записках о галльской войне».

VIII

Пока Цезарь занят был покорением Галлии, узы, связывающие между собою триумвиров, мало-помалу ослабели. В 56 г. триумвиры встретились в Лукке и решили, что Цезарь должен сохранить начальство над войском в Галлии еще на 5 лет, что на 55-й год Помпей и Красс будут избраны консулами и что по окончании их консульства Красс получит в управление Сирию, а Помпей — Испанию. Все случилось так, как рассчитывали триумвиры. Но в 53 г. Красс был убит в Парфии, и Помпей отказался продолжать союз с Цезарем на прежних основаниях. Скоро стало ясно, что Помпей начинает добиваться независимости от Цезаря, сближается с Катоном и действует в духе сенатской партии. Это неизбежно должно было повлечь за собой столкновение между двумя могущественными соперниками, хотя Цезарь всячески старался отвратить катастрофу.

В начале 52 г. в Риме не были еще избраны консулы, и так как народ в столице стал волноваться, то сенат, поручив Помпею собрать войско в Италии, назначил его единственным консулом, помимо народного избрания; на практике это было то же самое, что назначение Помпея диктатором. Таким образом Помпей нашел себе поддержку в сенате, который он так долго презирал, и сделался не столько исполнителем его воли, сколько его господином. Он ввел в Рим войско, успокоил волнение народа и стал помышлять о том, чтобы лишить власти Цезаря.

«Императорство» Цезаря в Галлии должно было окончиться в 49 г.; Помпей же, желая обезоружить Цезаря, предложил сенату вызвать его из провинции. Цезарь объявил через подкупленного им трибуна, что он готов сложить с себя оружие, если одновременно с ним сложит с себя оружие Помпей; сенат согласился огромным большинством голосов. Между тем начали распространяться ложные слухи, будто Цезарь ведет свою армию в северную Италию, и сенат, через несколько месяцев после объявления полного разоружения, по настоянию Помпея, который имел в своем распоряжении военную силу, приказал Цезарю распустить войско к определенному сроку под страхом быть объявленным врагом отечества. Приверженцы Цезаря из трибунов не могли помешать этому постановлению сената и должны были бежать к Цезарю в Равенну.

Цезарь отказался повиноваться сенату и обратился к единственному легиону, находившемуся в его распоряжении; он объявил солдатам о желании врагов погубить его и просил их о

защите. Затем он распорядился, чтобы армия его выступила из Галлии, а сам направился к пограничному городу Италии, Ариминуму. Перейти границу собственной провинции, считалось для проконсула государственной изменой; границей же Италии была тогда небольшая река Рубикон, текущая с Апеннин в Адриатическое море. Поэтому переход через Рубикон стал одной из критических минут в жизни Цезаря. Плутарх говорит нам, что Цезарь совершил этот решительный шаг не без колебания; но, перейдя через Рубикон, он прямо направился к Ариминуму и больше никогда в жизни уже не колебался.

Цезарь перешел Рубикон в январе 49 г., а был убит в марте 44 г. до Р. Х. В этот краткий пятилетний период он разбил своих врагов в различных частях Европы и положил начало верховной власти своим преемникам. Не более 15 месяцев из этого времени он провел в Риме.

Из Ариминума Цезарь, против ожидания своих врагов, не пошел на Рим, а вторгся в центральную часть полуострова, где ему сдавался один город за другим. Помпей, между тем, медленно подвигался к Брундизиуму, куда за ним последовал Цезарь. Цезарю не удалось помешать отплытию Помпея с его войском в Грецию, но, когда в конце марта 49 г. он достиг Рима, то мог считать себя уже бесспорным властителем Италии.

В Риме Цезарь обратился к сенату с речью, в которой указал на незаконность мер, принятых против него сенатом и Помпеем, и предложил сенату соединиться с ним, чтобы вместе с ним управлять государством; он заявил далее, что в случае несогласия сената действовать с ним заодно, он будет один управлять государством. Затем, овладев государственной казной, Цезарь отправился в Испанию, которая держала сторону Помпея, назначив правителем города Эмилия Лепида, а начальником войска в Италии Марка Антония — будущих членов второго триумвирата.

В своих последующих действиях Цезарь проявил замечательный талант полководца. Успехами своими он был обязан главным образом самому себе; военачальники его редко были счастливы, но присутствие Цезаря, как и присутствие Наполеона, стоило целой армии. Подобно Александру Великому Цезарь умел переходить от самых ужасных затруднений к торжеству и победе. При Илерде, в Испании, армия Цезаря была заключена между двумя реками, и, казалось, ей не было выхода; но он неожиданно ловко напал на полководцев Помпея и потом хитростью заставил их сдаться. Испания, мало-помалу, перешла в руки Цезаря; в три месяца он подчинил себе эту страну, почти без кровопролития.

Цезарь, как показывают его записки о междоусобной войне[4], отличался замечательной верой в свою судьбу, действовал всегда решительно и с риском, почти слепо доверял своим друзьям и помощникам и всегда избегал проливать кровь римских граждан. Он был тверд, как скала, когда становилось ясно, что надо сражаться или погибнуть, но никогда, ни в какой междоусобной войне победа не соединялась с таким милосердием и сила не употреблялась с такой мягкостью.

На обратном пути из Испании Цезарь узнал, что он назначен диктатором. Но Цезарь не мог еще претендовать на такую неограниченную власть, какою обладал Сулла, так как только западная часть государства признавала его верховное господство. Впереди была еще сильная борьба, и вовсе не в духе Цезаря было терять время на построение новой системы управления, пока не был решен исход борьбы.

IX

Пробыв несколько дней в Риме, Цезарь отправился в Грецию, против Помпея, который господствовал над всей восточной частью государства. Все военные преимущества были на стороне Помпея, и Цезарь считал необходимым прежде всего овладеть Диррахиумом в Македонии — ключом всего военного положения. Здесь Цезарь был окружен армией Помпея со стороны суши и отрезан от моря, которое находилось во власти неприятеля. Войско Помпея было гораздо многочисленней, чем войско Цезаря. Тем не менее Цезарь сумел воспользоваться первой ошибкой Помпея и одержал над ним при Фарсале блестящую победу, после которой большая часть армии Помпея перешла на сторону Цезаря.

Помпей бежал через Темпейскую долину к берегу, сел на первый попавшийся корабль и отплыл в Египет, который, хотя не был римской провинцией, но находился под римским влиянием. В это время в Египте происходила междоусобная война. Молодой Птоломей изгнал свою сестру Клеопатру, которая, согласно желанию их отца, должна была разделять престол с братом. Птоломей и Клеопатра, каждый со своей армией, находились близ Пелузия, у устьев Нила.

Прибыв в Пелузий, Помпей послал просить покровительства у юного царя и, получив от него приглашение высадиться на берег, сел в присланную за ним небольшую лодку. Но, как только Помпей вступил на берег, он был убит изменническим образом воином Птоломея и одним из своих старых воинов. Трудно решить, чем было вызвано это убийство — желанием ли угодить Цезарю или боязнью Птоломея принять такого опасного врага, который может завладеть его страною.

О характере Помпея мы знаем весьма мало, но, судя по древним известиям, он отличался честностью и справедливостью, несмотря на испорченность нравов своего времени. В римском обществе он не блистал талантами, тем более, что получил исключительно военное воспитание. В ведении войны он был осторожен и, имея в своем распоряжении время и большие силы, мог достигать больших результатов, как видно из его побед над пиратами и Митридатом. Но ему не хватало не только быстроты и изобретательности на поле боя, но и умения одушевлять людей верою в свой гений и свою судьбу, — уменья, которым в высокой степени обладал Цезарь; приверженцы Помпея всегда старались извлекать от него себе выгоду, между тем как друзья Цезаря повиновались ему с энтузиазмом. Люди чувствовали, что Помпей

сам не знает, куда ведет их; Цезарь же заставлял их чувствовать себя в когтях могущественной воли. Помпей недостаточно хорошо знал людей и политику, чтобы выполнить дело, которое было в то время необходимо; в нем не было того материала, из которого создаются великие властители, хотя он три года перед началом междоусобной войны и играл роль повелителя государства, и хотя счастливый соперник с почтением относился к его памяти. Не в силах было понять потребности государственной жизни и создать систему управления, которая разрешила бы существенные проблемы управления.

Победитель поспешно последовал за побежденным в Египет, где узнал о смерти Помпея и с ужасом увидел отрубленную его голову.

У Цезаря было только небольшое войско в 3 ООО человек, но он послал за остальной армией и занялся египетскими делами в Александрии. В Александрии он пробыл девять месяцев, хотя сначала не думал там долго оставаться. Хотя некоторые историки и относят близкие отношения Цезаря и Клеопатры к позднейшим вымыслам, но едва ли можно с этим согласиться, принимая во внимание его промедление, известную красоту и ловкость очаровательной Клеопатры и рождение у нее сына Цезариона. Воздух, древность, река Египта имеют огромное обаяние для чужеземца, а когда ко всему этому присоединяются чары женщины, какой Цезарь не встречал, может быть, никогда в жизни, то мы можем допустить, что он подпал искушению, и можем поверить известному роману. В более позднее время рассказывали, что Цезарь с Клеопатрой совершили путешествие далеко вверх по Нилу и, может быть, есть доля правды в том, что победитель при Фарсале стремился открыть истоки Нила и, благодаря своей деятельной натуре, даже принял к этому меры.

Прибыв в Александрию, Цезарь стал действовать в пользу Клеопатры; овладев Египтом в марте 47 г., победитель Птоломея, утонувшего в Ниле после битвы, посадил на престол Клеопатру, у которой пробыл еще три месяца, а затем отправился в Азию заканчивать свое дело — покорение Востока.

Он поспешил в Понт, где Фарнак, сын великого Митридата, воспользовался смутным временем, чтобы восстановить независимость царства Понтийского, присоединенного Помпеем к римскому государству. Цезарь приказал Фарнаку очистить римскую территорию, а когда Фарнак вздумал затеять с ним дипломатическую игру, то вступил с ним в сражение при Зеле, где армия Фарнака была разбита наголову. Цезарь был чрезвычайно доволен быстрым успехом своего похода и после победы над Фарнаком написал своему другу знаменитые три

слова: «Пришел, увидел, победил».

Из Малой Азии Цезарь вернулся на короткое время в Рим, где уже без колебаний действовал как неограниченный монарх, так как во время своего пребывания в Египте был назначен диктатором, по-видимому, без всякого срока; затем он вынужден был вести войну еще несколько лет с приверженцами Помпея в Африке, где они успели достигнуть известной организации благодаря промедлению Цезаря в Александрии, и где сторону их принял Юба, царь Мавритании. При Тамсе произошла кровопролитная битва, после которой враги Цезаря и в том числе Катон младший, последний и благороднейший защитник сената, бежали в паническом страхе в Утику, где, отчаявшись в возможности сопротивления Цезарю, он лишил себя жизни. Катон имел мало влияния на государственные дела, не обладал талантом руководителя, и все его достоинства, которые могли бы быть неоцененны в его испорченный век, не имели никакого значения из-за того, что он не обладал здравым смыслом, который заставил бы его сделать некоторые уступки. Катон считал Цезаря смертельным врагом государства, но он смешивал государство с конституцией, и готов был скорее умереть, чем отказаться от этого заблуждения.

Цезарь покинул Африку в июне 46 г., захватив с собой огромные суммы, вырученные от продажи имущества царя Юбы и от конфискаций в городах, оказывающих ему сопротивление. Цезарь начинал уже чувствовать трудности управления и тяготы победы. Легионы, покорившие ему мир, должны были получить обещанную плату, римским гражданам надо было дать почувствовать свое величие. Пышное триумфальное шествие, каким Цезарь вступил в город по священной дороге, долго оставалось в памяти народа, и много ходило о нем правдивых и ложных рассказов. Одно, впрочем, несомненно, что триумф праздновался не над римскими гражданами, но над галлами, египтянами, Фарнаком и Юбой. За колесницей победителя не следовал ни один пленный римлянин, но великолепие шествия, расходы на него, общая лесть, начинающая уже из Цезаря делать царя и полубога, все доказывало, что граждане Рима, в сущности, были пленниками, и что их повелитель знал, как с ними обращаться.

После триумфа, провозглашенный пожизненным диктатором, осыпанный всевозможными почестями, Цезарь на долгое время остался в Риме, где занялся устройством государственных дел. Ему, впрочем, пришлось отлучиться в Испанию, чтобы покончить там с партией Помпея, но это было его последней войной; в ней погибли последние сильные враги Цезаря, в том числе и сын

Помпея, в отчаянном сражении при Мунде.

X

Когда Цезарь вернулся в Рим, ему осталось всего шесть месяцев жизни — шесть месяцев неограниченного господства. Цезарь лучше всех своих современников понимал, что нужно его государству, и дело состояло в осуществлении революционных стремлений, которые усиливались в течение последних поколений и даже столетий. Каковы же были эти революционные стремления, впервые нашедшие себе ясное выражение в деятельности Цезаря? Мы можем указать на три из них, тесно связанные друг с другом и вместе составлявшие одно сильное течение, направление которого было указано римскими вождями демократии, начиная с братьев Гракхов.

Во-первых, требовалось существенное изменение характера центрального управления в Риме, до тех пор находившегося в руках некомпетентных людей. Цезарю удалось достигнуть временного изменения государства для предупреждения анархии; но нужно было создать еще новую и прочную систему управления, соответствующую нуждам, привычкам и чувствам народа, и Цезарь только начал работать над этой задачей, когда наступил его конец.

Цезарь несколько раз был диктатором; после смерти Помпея он принял даже бессрочное диктаторство. Но ничто не указывает на то, что прерогатива диктаторской власти была признана за ним навсегда, как постоянная форма правления, ибо диктаторство, даже бессрочное, было в глазах римлян лишь временным возвращением к царской власти. Постоянное диктаторство для римлян было противоречием в терминах.

Достигнув высшей власти, Цезарь не издал ни одного закона, который был бы прямо направлен на создание новой конституции. Он не предлагал установления военной монархии. Легионы свои он распустил и расселил по Италии, а в конце своей жизни отпустил даже телохранителей. Но в планы Цезаря не входило и восстановление старого сената. Он увеличил число сената до 900 человек и назначал в сенат людей, которые при старом порядке, никогда не могли бы иметь в него доступа; говорят, что в числе новых сенаторов находились даже провинциалы. Цезарь желал отнять у сената значение олигархии, но хотел оставить за ним значение совета, который был бы представителем всей империи. Он согласился принять пожизненно титул императора как знак того, что он соединяет в своих руках военное и гражданское господство, под которым римляне разумели империю.

Мы не знаем, чего желал или ожидал Цезарь после своей смерти. В 55 лет здоровье его успело пошатнуться от непрестанного труда. Среди его приверженцев не было, однако, ни одного достаточно способного и популярного, который мог бы быть преемником его власти, и будущее должно было представляться ему довольно безнадежным. Племяннику его, Каю Октавию, сыну его племянницы Атии, в 45 г. до Р. Х., было 17 лет. Мы ничего не знаем об отношении Цезаря к этому мальчику до возвращения Цезаря из Испании, когда он послал Октавия в Аполлонию учиться у греческих учителей. Как оказалось впоследствии, Октавий обладал всеми качествами, необходимыми для того, чтобы сделаться достойным преемником Цезаря и развить неограниченную власть одного лица, начало которой было положено Цезарем.

В самом конце своей жизни Цезарь начал принимать некоторые исключительные отличия, предлагаемые ему сенатом и народом, желая, по-видимому, придать своему абсолютизму более определенный характер и власть свою завещать наследнику. Он стал позволять чеканить медали и монеты со своим изображением, что до тех пор делалось только в восточных монархиях. Статуя его была поставлена в Капитолии рядом со статуями семи древних римских царей. На общественные торжества он начал являться в пурпурной одежде триумфатора я целым рядом мелочей поставил в центре придворного церемониала свою особу. По всей вероятности, он осознавал, что государству необходима монархическая конституция. Во всяком случае он сумел наложить печать своего гения на всю последующую историю Рима, чего ему не удалось бы сделать, если бы он не предугадал, какого рода системой могли быть удержаны воедино разнообразные части римского мира.

XI

Во-вторых, требовался социальный переворот, который мог бы положить предел огромному влиянию немногочисленного класса итальянских капиталистов, поддерживающих отжившую форму управления и притесняющих массу населения в провинциях.

В самом Риме существовал резкий контраст между бедными и богатыми. Победители мира обогатились во время своих побед, и богатства сосредоточились в руках крупных землевладельцев, огромные поместья которых обрабатывались рабами. Свободное население Италии направилось в Рим, где оно смешалось с переселенцами со всех концов света и с толпой отпущенных на волю рабов, более или менее ленивых и лишенных средств для пропитания. Богатые держали в своих руках управление государством и всеми силами противились устранению социального зла. Из всех средств, предпринятых против этого зла до Цезаря, при нем сохранилось лишь одно — это дешевая раздача хлеба народу по предложению Кая Гракха. Все остальные проекты Гракхов — передел земель в Италии, колонизация и т. д. — не были осуществлены, и зло мало-помалу разрасталось. С одной стороны, в римском государстве находилась олигархия, лишенная сознания своего долга и державшаяся благодаря своему богатству, выжатому из жителей провинций, с другой — пролетариат, ленивый в Риме, вымиравший в Италии и обедневший в провинциях. И, кроме того, огромный класс рабов, которые уже доказали, как опасны они могут быть для государства...

Государственный человек, который хотел бы улучшить это бедственное положение, должен был понимать самую сущность зла и знать социальное положение всей империи, а не только Рима и Италии; он должен был обладать властью и пользоваться доверием и преданностью, без которых ни один врач не может лечить болезни; к тому же он должен был обладать терпением и ожидать только постепенного улучшения...

Всем этим условиям удовлетворял Цезарь, и это дает ему еще большее право, чем его военные подвиги, называться одним из величайших людей всего мира. Правда, руки его не были совершенно чисты и он находился в числе капиталистов, собравших большие суммы с провинций и издерживавших их на упрочение своего политического положения. Но его богатства, его знания, его власть не были употреблены исключительно на преследование только своих целей, а большею частью шли на

благо государства.

В 49 г., проведя в Риме несколько месяцев, Цезарь издал закон, целью которого было восстановить кредит в Италии и уничтожить естественное следствие междоусобной войны, вызвавшей, с одной стороны, банкротство, а с другой — слишком большое скопление богатств в отдельных руках. Имея в виду соблюсти интересы всех классов, Цезарь потребовал, чтобы должники передавали кредиторам свое имущество в уплату за долги; но при этом имущество должников должно было оцениваться так, как оно ценилось бы в том случае, если бы не было междоусобной войны. Последнее было поставлено в интересах должника по примеру других законодателей древности. Говорили, что Цезарь, подобно Со лону, приказал все уплаченные должниками проценты зачесть в сумму капитала, так что, по расчетам Светония, капиталисты теряли около четвертой части данной взаймы суммы. Таким образом, облегчая должников, Цезарь не нарушал и интересов богатых.

Цезарь старался также установить правильную раздачу хлеба бедному римскому населению, причем сократил число получающих хлеб с 320 000 до 150 000 человек. Ветеранам своих славных легионов после окончания их службы он не позволил увеличивать собою число бедняков столицы, как то было с ветеранами Мария и Суллы. Он поселил их в новооснованных колониях или же расселил по Италии. После триумфа Цезаря каждый легионер получил достаточно большую сумму денег, на которые он мог завести хозяйство в отведенном ему участке земли. Цезарь надеялся, что эти сильные, храбрые воины будут способствовать возрождению населения Италии.

Цезарь, не будучи учителем нравственности, признавал, что в основании всякого социального благосостояния должна лежать справедливость, и, обратившись от Италии к провинциям, мы увидим, что эту идею справедливости он прилагал ко всем жителям империи.

Прежде всего, он стал сам назначать правителей провинций, номинально предоставляя право избрания их сенату. Этих сатрапов необходимо было подчинить такому главе, который был бы достаточно силен, чтобы наказать за измену или несправедливость. Собственное возвышение служило Цезарю примером того, чего могли достигнуть и другие. Переписка Плиния с Траяном, полтора века спустя, обнаруживает отеческую заботливость, с какою Цезарь, по-видимому, интересовался всеми подробностями управления в самых отдаленных провинциях. Он успел до некоторой степени остановить приток провинциальных богатств в Рим — главную причину социальной

несостоятельности этого времени. Во время своего первого консульства Цезарь пересмотрел закон против вымогательств в провинциях и ввел его в действие в последние годы своей жизни, исключив из сената всех виновных в его нарушении. Собирание десятины с провинций было при Цезаре частично уничтожено, частично отдано в ведение самих провинциалов. Проект общего ценза, хотя Цезарь и не дожил до его осуществления, ясно указывает, что он хотел положить более правильное устройство государственных финансов.

Цезарь пытался помочь самому ужасному социальному и экономическому злу, и мы должны признать, что в ранней империи замечается прогресс в материальном благосостоянии масс и стремление к более высокой морали общества в области управления, благодаря широким взглядам и правильному воззрению на вещи не только Августа, но и того, кто был его учителем, и во многих отношениях служил ему примером.

В-третьих, требовалась — хотя это требование не высказывалось вслух и могло быть понятно только государственному деятелю — такая система политического устройства, которая дала бы самоуправление бесчисленным городским общинам империи, причем общины эти составляли бы вместе одно целое.

Если бы в это время путешественник вздумал посетить различные части империи, то он увидел бы, что нет никакого единства ни в системе управления, ни в законодательстве, ни в финансах, ни в администрации. В Италии повсеместно распространено было римское право, но в каждом отдельном городе этот путешественник услышал бы, что положение местных властей весьма неверно, что отношение их к римским сановникам весьма неопределенно, что часто местные собрания и учреждения полны людьми, вовсе не подходящими для управления. В Цизальпинской Галлии положение было еще более ненормально. Она управлялась подобно другим провинциям проконсулом или пропретором, но Цезарь даровал жителям этой провинции полное римское гражданство, по которому они получили право подавать голос в избирательных и законодательных собраниях в Риме, т. е. могли сами выбирать себе правителя и издавать для себя законы. А между тем цизальпинские галлы никогда не присутствовали на народных собраниях в Риме, так что дела их страны решались одним населением столицы, и все их привилегии оказывались пустым звуком. Наш воображаемый путешественник, при виде этого, мог смело прийти к заключению, что в империи царствует политический хаос.

В Греции, Македонии, Малой Азии наш путешественник застал бы еще менее утешительные картины. Хотя некоторые греческие города и претендовали на самостоятельность, ввиду своего исторического прошлого, но, в сущности, все города в Греции находились в полной власти римского правителя. Закон и администрация, безопасность личности и имущества — все зависело от произвола правителя и могло измениться с прибытием нового правителя.

На западе империи, в Испании, Африке и новоподчиненной Галлии не сохранилось традиций о прошлой свободе, а потому тут не могло быть и речи о сохранении номинальной независимости. Произволу правителя не мешало ничто, и романизация шла на Запад успешнее, чем на Восток, тем более, что на Западе никакая иная цивилизация не предшествовала

римской.

Нашему путешественнику мог прийти невольно в голову вопрос, каким образом слить воедино этот хаос племен, языков, религий, преданий, интересов и местных управлений? Сенат, некогда сильный, потерял свой авторитет. Рим разрастался с каждым годом, все же прочие города потеряли свободу и зависели от римских властей. Древняя идея о государстве, как о союзе свободных и самоуправляющихся городов была утрачена, и было неизвестно, чем она может быть заменена.

Однако полстолетия спустя, мы видим, что римская империя соединена в одно целое и пользуется миром. На Западе и на Востоке водворяется благосостояние и спокойствие, Италия управляется хорошо, и вечный город может радоваться жизни. Единство это продолжалось несколько столетий, и эта новая эра политической жизни Рима так глубоко запечатлелась в умах, что после вторжения варваров империя сделалась предметом воспоминания и поклонения, и на ее основе воздвигались новые политические здания...

Это единство империи было результатом двух политических идей: 1) идеи политической единицы, но не в смысле города, а в смысле лица, на которое все другие единицы в системе смогли бы смотреть как на всеобщего третейского судью, и 2) идеи местного управления, которое могло быть применено во всей империи, причем принимались бы во внимание существовавшие ранее учреждения и характер различных народностей.

Обе эти идеи существовали еще до того времени, когда Цезарь проложил себе путь к абсолютизму (неограниченной власти), но Цезарь первый понял вполне задачу государственного человека и потому он может быть назван истинным основателем римской империи. На личное управление он смотрел, как на нечто, установленное на все будущие времена. Он достиг абсолютной власти, приготовил путь преемнику, унизил класс капиталистов, из которого выходили члены прежней олигархии. Он не оставил в империи никого, кто мог бы быть соперником его, и всем частям империи дал почувствовать свою руку. Правители всех провинций были люди, преданные Цезарю, и имя Цезарь не было пустым звуком в отдаленнейших частях государства. Он связал римский мир воедино с неведомой ему дотоле силой, и центром новой системы сделался его ум, а не город Рим, как то было прежде.

Что касается местного самоуправления, то Цезарь организовал гражданскую жизнь римских общин как в Италии, так и вне ее. Он издал постановление для более правильного управления городом Римом, который с этих пор становится

только муниципальным (самоуправляющимся) городом, первым в ряду других, но лишенным какой бы то ни было власти. Рим должен был сделаться типом, по которому должны были быть организованы все другие города, пользовавшиеся правами римского гражданства, но он уже не стоял выше прочих городов империи. Во главе империи с этих пор должен был стоять один человек, и ему каждая община должна была помогать свободным действием общинных властей. Такова была, вероятно, мысль Цезаря, и так понимал он будущность империи, которая при нем вступала в новую эру политической жизни. Правители уже не могли нарушать вольностей, существующих в городах, и римское гражданство, уже распространенное в Италии, начало прививаться и в провинциях. Цезарь даровал его жителям города Гадеса в Испании. Колонии римских граждан стали возникать в провинциях по плану Кая Гракха. Латинское право — урезанная форма полного гражданства — было даровано Сицилии и значительной части -Трансальпийской Галлии. Муниципальная организация, таким образом, входила в силу, и правители лишались права действовать по своему произволу. Мы имеем право предполагать, что Цезарь, желая распространить по всей империи римское гражданство, рядом с которым должно было идти и расширение сферы римского законодательства, под влиянием которого сложились идеи законности, и поныне существующие в цивилизованной Европе.

XIII

Цезарь умерял свое суровое управление справедливостью и человечностью. Но не слова и идеалы влекли его к себе, а факты и знание. Он не был последователем псевдоэллинской культуры, так сильно распространенной в его время, но понимал вещи, как истинный римлянин; это ясно видно и из его литературных произведений. Он упорно отказывался иметь дело с идеалами и мечтаниями, которыми увлекался Цицерон, но считался с действительностью, приводя в порядок общие дела и везде являясь сторонником научного, а не предвзятого отношения к жизни. Ему мы обязаны, между прочим, составлением научного календаря. Он же первый предложил собрать в свод некоторые римские законы. Он стремился составить большую библиотеку из латинских и греческих сочинений и поручил это дело Варрону. Людям науки он давал права римского гражданства и старался привлекать их на свою службу.

Возвращение Цезаря в Рим, после похода в Испанию ожидалось с тревогой. Ярые республиканцы думали, что, вернувшись в столицу, он сложит с себя свою небывалую власть и даст возможность прежней конституции войти в действие.

Цицерон писал одному из своих друзей, что после окончания войны решится вопрос, погибнет ли республика или вступит в новую пору жизни.

Вернувшись, Цезарь ничем не обнаружил, что намерен восстановить республику. Напротив, он стал проявлять свою власть с большей уверенностью и смелостью, меньше сообразуясь с чувствами других и не думая о безопасности собственной жизни. Еще до вступления в Рим, он написал свое завещание, а после возвращения в столицу отпраздновал с большой пышностью свой новый триумф. На играх, последовавших за этим триумфом, дана была странная иллюстрация нового деспотизма. Известный драматический писатель, 60-летний Лаберий, был приглашен Цезарем принять участие в исполнении одной из своих пьес. Едва ли этим Цезарь хотел оскорбить писателя, но старик принял приглашение за приказание, и до нас дошло стихотворение, в котором он оплакивает свое собственное послушание.

Другим самовластным поступком Цезаря, оскорбившим приверженцев республиканской конституции, было неожиданное избрание консулов и преторов на остальную часть года. Цезарь, избранный единственным консулом на этот год, сложил с себя консульство и отстранил префектов от должности, управлявших городом вместе с Лепидом. Новые консулы уже не были

независимыми должностными лицами, каждый из которых шел своей дорогой, поддерживая, таким образом, беспорядок, столь дорогой сердцу любителей старого строя; это были цезаревы чиновники, исполнявшие обязанности свои сообразно с желаниями высшего авторитета. Такие чиновники, являвшиеся лишь колесами в общей машине управления, были нестерпимы для римского достоинства. Но Цезарь не желал маскировать истины; он не боялся смотреть в глаза фактам и за свою искренность поплатился жизнью. Компромисс между монархией и республикой был невозможен при Цезаре. Для него монархия означала освобождение империи, республика была синонимом беспорядка, а никак не свободы, как для республиканцев. Восстановить республиканскую конституцию было бы со стороны Цезаря разрушением всего его дела, изменой всем его стремлениям. И все говорит в пользу того, что он решил сделать монархию действительностью.

Он стал принимать некоторые из предлагаемых ему почестей — принял золотое кресло в сенате, право носить триумфальную одежду на всех общественных собраниях, позволил поставить свою статую в Капитолии. Он решался отлучаться из города на довольно продолжительное время и показывался на улице без телохранителей. Его окружали неслыханною в Риме лестью и поклонением. Задумывали провозгласить Цезаря божеством, воздвигнуть ему храм, назначить для служения ему особую коллегию жрецов. Не раз делались попытки уговорить его принять царский титул. Но имя царь, rex, было ненавистно в Риме, и Цезарь, не желая возбуждать общего негодования, упорно отказывался от этого титула. «Я не rex, а Цезарь», — сказал он однажды, отклоняя подобное предложение. Точно также отклонил он другое предложение на празднике Луперкалий, когда консул Антоний хотел надеть на его голову царскую диадему. Цезарь отстранил диадему и сказал: «Только Юпитер царь Рима». Эта знаменитая сцена рассказана Шекспиром в его «Юлии Цезаре» словами заговорщика Каски.

Однажды, когда Цезарь был занят новыми постройками на форуме, сенат явился к нему в торжественном шествии с консулами во главе и снова предложил ему царский венец. Цезарь продолжал сидеть и заниматься своим делом, которое казалось ему гораздо полезнее и разумнее предложения сенаторов.

XIV

Мы не знаем, кто первоначально стал во главе недовольства Цезарем. Мысль об убийстве была весьма обыкновенна для республиканцев старого закала, которые считали необходимою и справедливою смерть Гракхов. Весьма вероятно, что Марк Брут сам был вовлечен в заговор; едва ли истинным его зачинщиком был Децим Брут, один из самых старых людей Цезаря. Всего вероятнее, что все дело было затеяно Кассием, «человеком тощим и худым», с желчной и завистливою душой. Он имел причины лично ненавидеть Цезаря, который унизил его своим великодушным прощением после победы над Помпеем, которого Кассий был сторонником. Может быть Кассий или кто-нибудь из менее видных людей, как, например, Каска или Лигарий, возымел впервые мысль об убийстве, когда Цезарь распустил своих телохранителей, сделавшись таким образом, более доверчивым и вместе с тем более царственным... Как бы то ни было, но возможно причиной гибели Цезаря был не столько республиканский энтузиазм, сколько личная злоба и мстительность.

В заговоре приняло участие 60 человек, и только благодаря доверчивости Цезаря и его неопытности в интригах заговор не был раскрыт вовремя. Эта беспечность Цезаря придает особенный характер, особенную иронию последовавшей трагедии, тем более, что злейшими врагами его оказались его же друзья.

О Марке Бруте, который пользуется незаслуженным бессмертием, можно сказать, что это был один из тех слабых людей, которые способны привязываться к более сильным характерам, но сами по себе легко поддаются порывам безумия и даже жестокости. Брут был дружен с Катоном, на дочери которого он был женат; после Фарсала, где он сражался против Цезаря, Брут был принят Цезарем с распростертыми объятиями и стал его преданным слугою. Цезарь любил так, что некоторые считали его незаконным его сыном. Со времени возвращения Цезаря из Испании, Брут несколько охладел к Цезарю. Такие люди, как Брут, иногда бывают способны любить, говорить, даже действовать с удивительной силой. Сам Цезарь сказал о Бруте: «Чего он желает, он желает всеми силами». Эта черта может располагать к подобному человеку друзей, но тем не менее, ум его остается узким, и он легко заблуждается во время горячей политической борьбы, когда всего нужнее хладнокровие и умение правильно оценить факты...

Заговорщики употребили все усилия, чтобы возбудить

ненависть Брута к монархии. Они напомнили ему о мнимом его происхождении от Юния Брута, врага Тарквиниев, последней царской семьи древнего Рима. Жена Брута, как рассказывают, побуждала его действовать, нанеся сама себе раны и хладнокровно терпя боль. Кассий доказывал ему, что свобода может быть восстановлена только посредством убийства. Уговорить Брута принять участие в заговоре было нелегко, но, раз решившись, он бросился в это дело со всем энтузиазмом слабости. Он, впрочем, настаивал на том, что, убивая Цезаря, он посягает не на монарха, а на монархию; но Брут достиг обратного тому, к чему стремился: монарх был убит, а монархия осталась неприкосновенной.

Заговорщикам нельзя было терять времени. Цезарь собирался покинуть Рим 18 марта, и каждую минуту заговор мог быть открытым, могли быть возбуждены подозрения со стороны намеченной жертвы. После многих совещаний заговорщики решили совершить убийство в мартовские иды (15 марта), в заседании сената, на котором должен был присутствовать Цезарь.

Цезарь оставался глухим ко всем слухам и верным своему правилу: «Лучше умереть один раз, чем постоянно быть под страхом смерти». Накануне своей гибели, на обеде у Лепида, он выразил мнение, что лучше всякой другой та смерть, которой мы менее всего ожидаем...

На следующий день, 15 марта, Цезарь запоздал в сенат, и Децим Брут пришел за ним. Говорят, что жена Цезаря, Кальпурния, полная тяжелых предчувствий, не хотела отпускать его. Но, несмотря на ее убеждения, предателю Дециму удалось увести Цезаря. Он отправился на носилках через форум к театру Помпея, где происходило заседание. По дороге были сделаны попытки предостеречь его, но напрасно. Цезарь вошел в здание, сенат встал, чтобы приветствовать его, и Цезарь опустился на свое золотое кресло. Тогда подошел к нему Цимбер, один из заговорщиков, и подал ему прошение о возвращении своего брата из изгнания; прочие столпились вокруг него, между тем, как опасного для заговорщиков Антония задерживали разговором у дверей. Цезарь отказал Цимберу в его просьбе, и Цимбер, словно упрашивая его, взял Цезаря за руки, пока сзади подкрадывался к нему Каска. Цимбер хотел тогой опутать руки Цезаря, но Цезарь встал и крикнул; в это время Каска ударил его кинжалом. Это было сигналом к целому дождю ударов, от которых жертва защищалась несколько мгновений, успев ранить одного из заговорщиков. Затем Цезарь закрыл лицо тогой, пошатнулся и упал мертвый к подножью статуи Помпея...

Смерть Цезаря — одна из самых грубых и возмутительных

сцен истории; убийство его, по словам Гете, было одним из самых безумных поступков, когда-либо совершенных. К тому же, поступок этот был бесплоден, ибо он не спас и не мог спасти Рим от монархии. Он поверг империю в новую междоусобную войну, принесшую с собой множество бедствий...

Три раба отнесли тело Цезаря домой, и народ с ужасом смотрел на кровь, струившуюся из нанесенных ему 23 ран. Через два дня тело было сожжено на форуме народом, между тем как «освободители своей родины» в страхе бежали из города. Прочтено было вслух перед народом завещание Цезаря, по которому он завещал своим наследником молодого Октавия, усыновленного им. Свои сады, по ту сторону Тибра, Цезарь оставил городу и известную сумму денег завещал каждому гражданину Рима. Особенно же потрясло слушателей завещания то, что Децим Брут, тот самый, который завел Цезаря в роковую западню, упоминался в завещании убитого как один из первых наследников его имущества...

МАРК АВРЕЛИЙ

***По соч. Ренана*[5]**

I

7 марта 161 года после Рождества Христова в Лориумском дворце умер император Антонин. Расстался он с жизнью спокойно, с полнейшим равнодушием, как истый мудрец. Почувствовав приближение смерти Антонин привел в порядок все свои семейные дела, а затем велел перенести в комнату усыновленного им Марка Аврелия золотую статую Фортуны, так как эта статуя всегда должна была находиться в покоях императора. Отдав еще кой-какие приказания, он отвернулся и — почил навек.

Все римские власти, все сословия проявили соперничество в чествовании памяти этого императора, единогласно прославляя благочестие, милосердие и безупречную чистоту души его. Опечаленная толпа вспоминала о нем, как о таком правителе, который не пролил ни одной капли крови — ни римской, ни иноземной, и у всех было одно чувство горячей признательности к покойному за те дни мира и довольства, какими при нем пользовалась империя. Умершего императора стали даже сравнивать с благочестивым царем Нумой.

Слава Антонина, как наилучшего правителя, навсегда и безраздельно осталась бы с ним, если бы он не назначил своим наследником человека, не уступавшего ему в нравственных качествах, но зато превосходившего его блеском ума и таланта. Антонин отличался искренностью, нрав у него был веселый, добряк по натуре, с ясной душой, он философствовал, сам того не замечая; таким же был и Марк Аврелий, но ум его — беспокойный, пытливый — неустанно заставлял его копаться в своей душе и толкал его на путь личного совершенствования.

Смело можно сказать, что благочестивый Антонин и Марк Аврелий были достойнейшими в мире империи. Благотворный принцип усыновления сделал то, что римский императорский двор во II веке стал как бы центром добродетели. Утверждая такое правило, император Нерва подтвердил благородность своей души и дальновидность свою, так как этим актом он обеспечил людям счастье на целое столетие и, вообще говоря, положил начало века преуспевания во многих отношениях.

Марк Аврелий в первой своей тетрадке «Размышлений» сам начертал изображение той жизни, которой жили его достопочтенные родители, дед и наставники. По этим портретам можно судить, насколько тогда еще были крепки и прочны чувства честности, собственного достоинства и прямоты, а также дух гражданский и республиканский в старых римских фамилиях,

видевших дурные времена при дурных императорах. В этих семьях чтили память Брута и Катона, преклонялись перед великими философами, которых не могла сломить никакая тирания, и рядом с этим клеймили время Домициана... Императорство Антонинов было в сущности победой той части римского общества, праведно-гневное настроение которого так хорошо изображено историком римским Тацитом. Это были люди мыслящие, соединенные чувством ненависти к деспотизму первых цезарей. И действительно, характер верховной власти Нервы, Траяна, Адриана, Антонина и Марка Аврелия был чисто республиканский. На этих императорах вовсе не было той печати, которая так заметна на правителях по праву наследия; от них не веяло также и духом военачальника: власть их была скорее широкой гражданской магистратурой, причем сам властитель как бы оставался простым гражданином. Этой чертой особенно отличался Марк Аврелий.

У Марка Аврелия не было двора, а следовательно, и придворных; состояние он имел огромное, но родовое, и жил- как богатый гражданин, явно показывая отвращение к цезарям (императорам до Нервы). Он видел в них великолепных развратников, свирепых Сарданапалов... Сам Марк Аврелий был чрезвычайно обходителен и, так сказать, общедоступен. Сделавшись императором, он возвратил сенату все прежнее его значение, и, когда бывал в Риме, не пропускал ни одного сенатского заседания, а из сената уходил только тогда, когда консул произносил известную формулу: «Не смею больше задерживать вас, отцы-избранники».

По натуре своей (и отчасти потому, что в преемники Марк Аврелий был назначен еще совсем юношей) он никогда не представлял себе верховную власть соблазнительной приманкой. Восьмилетним мальчиком обратил он на себя внимание императора Адриана, которому полюбилось грустное личико ребенка, кроткий нрав его, послушание и отсутствие способности лгать.

На восемнадцатом году жизни Марк был объявлен будущим императором, а когда, спустя двадцать два года, умирающий Антонин распорядился перенести статую Фортуны в комнату своего наследника — этот наследник нимало не возрадовался появлению у себя такой золотой гостьи: философским своим умом новый император давно познал тщету всех радостей и наслаждений... Дни юности его протекли спокойно среди мирных развлечений сельской жизни и занятий латинской риторикой и философией.

Небо было так ясно, а Юниус Рустикус был так мудр и

сведущ, что не мог не сделаться любимым наставником Марка, внушавшим ему любовь к простоте и строгому порядку в жизни. Понятно, почему этот наставник навсегда остался близким человеком и советником своего августейшего ученика, а если прибавить, что Юниус Рустикус хорошо познакомил его с «Беседами» Эпиктета, то нечего и говорить, как Марк Аврелий привязался к этому ученому мужу. Занимался с юношей и другой ученый — Клавдий Север, перипатетик (школа Аристотеля), сделавший из своего ученика горячего поклонника философии.

В те времена философия была чем-то вроде религии; от своих философствующих друзей она требовала даже подвигов — в виде отказа от чего-либо приятно-обычного — и предписывала правила почти монастырские. Двенадцатилетний Марк уже ходил в «плаще философа», приучился спать на жестком ложе и вообще старался жить по аскетическим правилам стоиков[6]; но такой образ жизни вредно влиял на его здоровье: тело не выдерживало чрезмерность лишений, а он не унывал, геройски держал себя во главе веселящейся молодежи, когда она справляла какой-нибудь праздник, был приветлив с нею и, конечно, не показывал, что насиловал себя. Только матери Марка удалось настоять на своем: он послушал ее и стал покрывать ложе каким-то мехом. Несмотря на слабое здоровье, Марк вел весьма деятельную жизнь. Все часы его дня были строго расписаны для разных занятий. У этого молодого человека, можно сказать, почти не было страстей, но зато справедливость его и доброта были безупречны, а чувство долга было в нем очень сильно развито.

II

Антонин, конечно, позаботился, чтобы любимец его был обучен всем наукам и искусствам, для чего и были приглашены знаменитые учителя и наиболее выдающиеся философы. Юноша хорошо учился и настолько хорошо овладел греческим языком, что, размышляя о философских предметах, обыкновенно мыслил по-гречески. Вопросы нравственности ставились им в жизни превыше всего: Марк особенно прилежно занимался решением этических проблем (нравственных), но на его нравственный склад повлияли не наставники его, а сам Антонин — единственный и неизменный воспитатель Марка. Юноша почитал его, любил крепко и смотрел на него, как на такой образец совершенной жизни, к которому надо неустанно стремиться, а следовательно, работать над собой. В книге своей «Размышления» Марк Аврелий довольно часто упоминает о своем приемном отце, как о совершеннейшем из людей. Так, например, он пишет:

«Поступай всегда, как настоящий ученик Антонина. Помни о том, что он никогда не уклонялся от исполнения воли разума... Не забывай, как он оставался глухим к наветам доносчиков... Не забудь и того, как он всегда был рад, услышав чье-либо мнение, которое было лучше его собственного... А благочестие его без тени суеверия! Размышляй же, думай обо всем этом, дабы в последний час своей жизни ты вправе был успокоить себя мыслью о содеянном тобою добре»...

Результатом такого возвышенного состояния души Марка было безграничное благоволение к людям: он строг был только к самому себе. Если ему удалось заметить что-либо несправедливое в поступке того или другого лица, или вообще натолкнуться на факт человеческой извращенности — вечером того же дня он записывал в своей тетрадке впечатления по этому поводу. «Если можешь, — писал он, — то постарайся исправить этих людей, а если не исправишь, то помни: чувство благоволения вложено в тебя для того, чтобы проявлять его в отношении таких существ... Ведь и сами боги благоволят к ним, даруя им здоровье, богатство и почесть... Поступай и ты по-божески». Злоба в человеке наводила Марка на такого рода размышления: «Таков закон природы. Люди такого сорта необходимо должны поступать так. Желать, чтобы это было иначе — все равно, что желать видеть на фиговом дереве не фиги, а другие плоды... Помни одно: в самом недалеком будущем и сам ты, и они — умрете, а имена ваши будут забыты».

К подобным мыслям о широком всепрощении, никогда не

покидавших автора «Размышлений», он иногда приобщал заметки иронического смысла: «Лучший способ мстить злым людям — стараться не походить на них», а иногда не без чувства гордости выражался так: «Слышать, как о тебе злословят за сделанное тобою же добро — это царственно-великолепно!». Уличив себя однажды в каком-то поступке, Марк заносит в свою записную книжку: «Забыл ты, какое священное родство связывает каждого человека с человечеством? Родство это не по крови, не по рождению: оно в духовном единении всех людей... Позабыл ты, что разумная душа всякого смертного есть нечто божественное, как продолжение верховного существа».

В житейских делах Марк Аврелий был бесподобен, хотя и не без оттенка наивности, как это часто бывает с очень добрым человеком. Он всегда держался того мнения, что злые люди — это все несчастливцы, что злой бывает таким поневоле (как, например, невежды, по скудости знания), и жалел всякого, кто не походил на него в нравственном отношении; однако он не считал себя вправе возноситься перед подобным несчастливцем... К людям, окружавшим его, он часто относился слишком снисходительно, как бы умышленно глядя сквозь пальцы на все их недостатки. Эта черта в его характере обусловливала немало тяжких испытаний, которые пришлось пережить императору: неудачно выбирал он себе помощников и советников, а между тем, ум у него был глубокий, способный к исследованию самых сложных вопросов долга и совести.

В деле веры Марк Аврелий придерживался религии своих предков и вместе с народом своим признавал вмешательство богов в жизнь людей; почитая древние обычаи, он, однако, был благочестив по-своему, и «сверхъестественное» (в роде элевзинских таинств) не играло важной роли в его жизни. Разум и законы природы — вот что было в основе добродетели этого человека.

Людовик Святой был муж добродетельный и, по мнению современников, очень хороший государь, потому что был христианином. Марк Аврелий был благочестивейшим из людей, но не в силу своих языческих верований, а по той причине, что был просто очень хорошим человеком, что и делает честь человеческой природе, а не той или другой религии... Каковы бы ни были в будущем результаты движения в области религии и философии, — светлый, величайший образ Марка Аврелия не померкнет, как то, что всецело создало этот образ, не может погибнуть: это прекрасные качества человеческого сердца.

III

«Уважение к человеку» — вот основа поведения этого государя. Он сознавал, что в интересах добра не следует навязывать его людям, т. е. тут насильственные мероприятия вовсе не у места, так как свобода — необходимое условие человеческой жизни. И он желал действительного подъема нравственности, а не внешнего только повиновения законам; он хотел всеобщего блага, но достигнутого путем свободы, а не мерами насилия, считая порабощение одним из великих зол на свете... Вот почему он находил республиканский образ правления идеальным в смысле государственного устройства. Государь — это первый исполнитель закона, и на этом месте он только временно стоит, а потому имуществом государства пользоваться он может, но отнюдь не присваивать его себе, да и не нужна вовсе бесполезная роскошь, напротив: нужно во всем соблюдать строгую экономию. Милосердие государя должно быть неистощимо и притом должно проявляться искренно; сам он должен быть общедоступен и ласков, за личным успехом и похвалами гоняться ему не приличествует.

Правление Марка Аврелия можно назвать счастливым, если не считать тех бед, которых невозможно было предвидеть или предотвратить. Общественная нравственность значительно поднялась, а серьезные недостатки государственного правления были на некоторое время устранены. Император совсем не искал популярности, а народ все-таки обожал его. Он был демократом в лучшем смысле этого слова; древняя римская знать была ему антипатична, и, выбирая людей для осуществления своих мудрых планов, Марк Аврелий никакого значения не придавал происхождению и родственным связям того или иного лица. Впереди всего он ставил добросовестность и познания: это только и могло служить прочной рекомендацией человека.

Общественная помощь, начало которой было положено при Нерве и Траяне, достигла при Антонине, и особенно при Марке, небывалых размеров. Во II веке впервые было провозглашено правило, в силу которого на само государство возлагалась обязанность отеческого попечения о своих членах. Воспитание детей свободных сословий было крайне плохо, как по причине распущенности граждан, так и вследствие дурных экономических условий жизни, и вот педагогическое дело также стало предметом серьезных забот государственных людей.

Со времени правления Адриана смелые учения стоиков начали входить в римское право и постепенно превратили его в

«естественное», в право философии. Старые суровые законы уступали исподволь свое место новым, проникнутым чувством справедливости и человечностью. Великие юрисконсульты времен Антонина и Марка Аврелия продолжали это благое дело и благодаря их усилиям была проведена большая часть тех гуманных и мудрых законов, которые из первобытно-дикого, свирепого законодательства соорудили новое, принятое всеми цивилизованными народами.

В древних обществах все слабые и угнетенные народы не находили почти никакой защиты. Марк Аврелий стал в некотором роде опекуном всех тех, кто нуждался в помощи властвующей силы. Бедняки и больные дети уже не оставлялись на произвол судьбы, но и кроме этого император учредил опекунское преторство для ограждения интересов сирот; он велел вести список новорожденных; уменьшил некоторые повинности; упорядочил дело снабжения пищевыми средствами такие пункты, которые особенно нуждались в продовольствии, так что этим были устранены столь частые голодовки в Италии.

Реформами в порядке судопроизводства Рим также обязан этому императору. Особенно много было сделано для улучшения положения рабов. Со времени Антонина и Марка стало признаваться, в принципе, что и господин может быть виноват перед своим рабом. Новые законы ограничивали произвол господина: определялись случаи, когда можно было подвергать невольника телесному наказанию; убийство же его воспрещалось. Рабовладелец, уличенный в жестоком обращении с рабом, обязан был продать его. Раб получил личные права: он стал собственником своего имущества, он мог иметь семью, так что розничная продажа рабов прекратилась; нельзя уже было продать в разные руки невольника-мужа, жену и его детей. Применение пыток при допросах было ограничено. Честь девичья — ограждена.

Марк Аврелий, конечно, находил опору в юристах (по вопросу о рабах), зная, что юристы, следуя учению стоиков, смотрят на невольничество, как на нарушение «естественного права», и поэтому весьма склонны, где только можно, восстановить это право. Император особенно старался поощрять отпущение рабов на волю и признал — в некоторых, определенных законом, случаях — право невольника на наследство своего господина.

Одновременно с этими законами власть стремилась установить более разумные, человечные отношения между членами семьи. Злоупотребления родительской властью, возмутительные, доходящие до безобразия, но как бы освященные

древним правом, были приостановлены. Сыну в отношении отца вменялись определенные обязанности, но сын, уже, как прежде, не мог быть вещью своего отца, а на родителей возлагалась обязанность воспитывать своих детей. По древнему римскому праву мать почти не считалась членом семьи, но при Марке, в силу нового закона, дети могли быть наследниками матери и наоборот; таким образом в самом законодательстве нашлось место родственным чувствам, что согласовалось с «естественным правом».

Прекрасные постановления касательно торговли, купли и продажи рабов, узаконения о доносчиках и клеветниках — положили конец множеству злоупотреблений. Общие уголовные законы были смягчены; обвиняемый мог иметь защитника. Не находя возможности при данных условиях совершенно отменить жестокие наказания по судебному приговору, Марк Аврелий, в силу своей верховной власти, всегда смягчал наказание преступнику. Замечательно, что тогда впервые были предусмотрены случаи «невменяемости» лица, совершившего уголовное преступление (например, вследствие умопомешательства).

Для такого гуманного императора цирковые зрелища, разумеется, вовсе не были приятны; отвратительные драки гладиаторов между собою или с каким-нибудь зверем были ненавистны ему, но тут он ничего не мог сделать, так как эти представления вошли в обычай: дымящаяся кровь на арене цирка так же была нужна толпе, как насущный хлеб... И когда Марк распорядился вооружить гладиаторов для войны с германцами — народ чуть не взбунтовался, раздались крики: «Это он хочет лишить нас наших удовольствий! Он хочет, чтобы мы занимались философией!..» Так кричала толпа, все-таки любившая императора... Его не любили «завсегдатаи» цирка. Вынужденный уступить общественному мнению, Марк Аврелий только в крайних случаях посещал цирк. Сидя в императорской ложе, он делал вид, что читает или, давая аудиенции, даже подписывал бумаги, причем ни малейшего внимания не обращал на насмешки среди публики. Раз как-то на потеху толпе лев, выдрессированный каким-то рабом для травли людей, разорвал несколько человек, конечно же, прославив своего учителя. Публика зашумела, прося даровать свободу этому невольнику, благо, что сам император был в цирке. Марк не без досады сказал: «Да, но этот человек ничего достойного свободы не сделал!»

IV

Никогда прежде, т. е. до императора Марка Аврелия, задача общего блага не выдвигалась так настойчиво, упорно, на первый план. Идеал Платона почти осуществлялся: римляне управлялись философами. Греческая философия, преследуемая в продолжение двух веков издевательством грубых римлян, наконец восторжествовала. Уже при Антонине философы играли в римском обществе заметную роль, но во время Марка они еще стали виднее, так как он буквально был окружен ими. Прежние его наставники сделались министрами; император воздает почести им, воздвигает статуи, которые ставит даже среди своих пенатов (домашних богов). Консульское звание давалось прежде только лицам из римской знати, а теперь консулом мог быть человек без «родословного древа». Марк проявил широкое гостеприимство в отношении риторов и философов, так что в то время среди ученых и мудрецов началось «переселенческое» движение в Рим. Между этими странниками, конечно, были и дюжинные умы, и просто шарлатаны; пользуясь такой слабостью императора, они вели себя заносчиво, оскорбляли римлян, а оскорбляемые осыпали их насмешками, подтрунивали над «философским плащом» и над безобразной прической «мудреца», даже борода и ногти философа осмеивались. Этих пришельцев обвиняли в жадности, обжорстве, нахальстве, мстительности... «Гостеприимный хозяин» видел недостатки своих гостей, но, оставаясь мудрым, никогда не смешивал самого учения со слабостями и прорехами в совести тех, которые возвещали это учение: Марк хорошо знал, что немного найдется людей, способных не разъединить слова с делом.

«Уважай истинных философов, снисходя, без порицания, к мнимым мудрецам, но не давайся им в обман» — таково было правило императора. В бытность свою в Александрии он расхаживал по городу без всякой свиты, носил «плащ философа» и жил, как жили тогда мудрецы. В Афинах Марк Аврелий открыл кафедры по всем наукам, назначив лекторам большое содержание.

Понятно, что приверженцы и охранители древних преданий, более всего ценившие в человеке непреклонность, суровость и воинскую доблесть, не были довольны новым порядком вещей, в силу которого высшие должности в государстве занимались «выскочками», т. е. лицами без «родословного древа», без военных талантов, но зато с несомненными признаками восточного происхождения... А сынов Востока истинные римляне всегда

глубоко презирали. Авидий Кассий, храбрый воин, талантливый государственный человек, просвещенный, несмотря на любовь свою к императору, все-таки примкнул к партии недовольных новым порядком вещей... «Для управления государством, — говорил Авидий Кассий, — нужна не философия: тут нужно нечто другое»... Он кончил тем, что, к своему несчастью, стал во главе заговора против того, которого прежде в шутку называл «доброй любомудрией», т. е. философией.

Если бы такой человек, как Марк Аврелий, не обладал замечательным практическим смыслом и знанием людей, то пристрастие его к философам (не всегда стоявшим на высоте своего признания) могло бы вовлечь его во множество ошибок; но он умел выбирать людей среди окружающих его мудрецов, к которым относился не как к наставникам и друзьям, а скорее, как к братьям и сотоварищам по управлению.

Не лишним будет заметить, что в Риме значение философов возрастало постепенно. Греческие ученые издавна были воспитателями и учителями в семьях знатных римлян, а во II веке все, можно сказать, высокопоставленные особы и обеспеченные лица занимались философией; во всех больших городах существовали школы, в которых представители различных политических систем публично читали лекции, за что и получали вознаграждение от казны. Философия все более и более принимала характер религии: у той или другой философской школы были, как и у христианства, свои проповедники, миссионеры, духовные отцы и казуисты. Знатные люди содержали при себе философа, и он был другом вельможи, советником и даже стражем его духовной жизни. В горе и в беде обращались к «собственному» мудрецу, ища у него нравственной поддержки, утешения, а когда наступал смертный час, философ должен был научить мужественно расстаться с жизнью... И в то время первою обязанностью философа было: просвещать людей, оказывать им нравственную поддержку и вообще наставлять на истинный путь, что в отношении «власть имущих» мудрец должен был исполнять еще усерднее, так как от степени мудрости и чувства справедливости правящего лица зависело благополучие не одной сотни тысяч людей.

Философы, по мере сил своих, действовали в этом направлений. Такое господство философов имело влияние на улучшение общественности и личной нравственности, на смягчение нравов и укрепление лучшего, человеческого образа жизни. Впервые, можно сказать, в этом веке возникло представление о государстве, управляемом не страхом и трепетом, а мудростью и разумной благосклонностью.

Естественно, поэтому военный блеск тогда несколько померк и в известной степени пришли в упадок тогдашние искусство и литература. Дело вот в чем: философы и ученые (литераторы) были далеко не одно и то же. Первые относились с презрительным состраданием к тщеславию «сочинителей», пристрастию их к внешним успехам, а сочинители злостно подсмеивались над варварским слогом своих противников, подтрунивали над их манерами, плащами и бородами... Марк Аврелий не долго колебался, к какому лагерю пристать, и открыто стал на сторону философов, а затем начал пренебрегать родным языком, отдав предпочтение греческому, на котором писали любимые его авторы. С этого времени и стала падать латинская литература, а вместе с нею ваяние и живопись. Под влиянием, с одной стороны, философии, а с другой — христианства люди уж слишком отрешались от форм красоты, видя в них одну суетность, и жаждали только одного: лучшей жизни для угнетенных, обездоленных и мягкости сильных мира.

Господствовавшее в то время философское учение было в высшей степени нравственно, но, оставаясь мало научным, оно не возбуждало жажды исследований. Философия эта могла уживаться со всею религиозною обрядностью того времени, а в этой обрядности догматизм почти отсутствовал. Учение стоиков, так много сделавшее для очищения и подъема души, было бессильно против суеверия: не ум, а сердце стоика делалось возвышенным; а так как истинно ученых было весьма немного, то суеверие процветало беспрепятственно... Доходило до того, что полупомешанные колдуны, или просто фокусники, не боясь законного преследования, дурачили суеверную толпу, не без успеха для себя, а она слепо верила в очевидную нелепость.

Умственный прогресс, таким образом, вовсе не соответствовал прогрессу социальному. Приверженность к государственной религии поддерживала суеверие толпы и препятствовала устройству правильного народного образования. Император делал все, что от него зависело, и не он, конечно, виноват в указанном порядке вещей. Задача, преследуемая им, — усовершенствование людей в нравственном отношении — требовала для своего разрешения ряда столетий... Марк Аврелий, однако, не обольщался светлыми призраками, что видно из такой его записи:

«Каких жалких политиков представляют эти людишки, воображающие, что они могут двигать жизнь вперед согласно законам философии!.. Все это мальчуганы, которым нужно еще нос утирать... Чего ты, смертный, хочешь? Поступай так, как в данное время требует природа, а если можешь — опережай ее, и

не заботься о том, замечает ли кто-нибудь твои поступки... Нет, не надейся на осуществление когда-нибудь на земле Платоновой республики! Будь доволен и тем, если тебе удастся хоть немножко улучшить положение вещей... Это «немножко» не считай маловажным успехом. В самом деле, как переменить в человеке один строй мысли на другой? Где средства для этого? А без такой перемены все твои усилия дадут в результате послушных рабов или лицемеров, людей, прикидывающихся убежденными»...

V

Философия, так заполонившая сердце Марка Аврелия, была враждебной христианству. Император считал священной своей обязанностью поддерживать древнеримскую религиозную обрядность во всей ее неприкосновенности — и этого одного было более чем достаточно, чтобы сделать императорство его неблагоприятствующим для нового учения. Римские предания имели для Марка догматический характер: он стремился к добродетели, «как человек» и «как римлянин». Предубежденность его к новой религии была понятна: будучи стоиком, он не мог думать иначе, но эта предубежденность еще усиливалась в нем чувствами патриота... Таким образом и случилось, что одному из лучших людей пришлось совершить один из самых тяжких грехов, а именно — грех религиозного преследования.

Грех этот, однако, можно объяснить всем строем тогдашней жизни и обязанностями императора по отношению к народу. Христианство было совершенно новым явлением, непонятным особенно образованным тогдашним людям, которые думали, что выше той нравственности, той философии, которой они строго держались, ничего не может быть. Император, конечно, знал многих христиан, но их убеждения так резко противоречили всему римскому, всему общепринятому, утвержденному и освященному правами, что они не могли внушать ему доверия. Императору говорили, что христиане не скрывали своей радости, когда какое-нибудь бедствие обрушивалось на «языческий» Рим, ему говорили о пророчествах этих «новых» людей о скором падении империи; все это не могло ему нравиться, и его философия поддавалась тому же чувству, которое жило в римлянах. А презрение римлян к христианству усиливалось еще тем обстоятельством, что учение это возникло в Иудее, среди евреев, а к евреям римляне издавна относились, как к фанатикам, опасным и непокорным. Достоверно неизвестно, было ли когда-нибудь в руках императора Марка Евангелие, читал ли его, знал ли имя рожденного в Назарете, но Марка-стоика удивляло мужество христианских мучеников; однако и тут неприятно поражали его торжествующий вид умирающих и всегдашняя готовность этих людей броситься в объятия смерти... Правда, по учению стоиков, смерть нужно встречать мужественно, но искать ее — этого они не допускали. Эпиктет, например, смотрел на героизм «галилеян», как на результат закоренелости фанатизма.

Не препятствуя преследованию христиан, император все-таки старался смягчить строгость законов против них, и нельзя

свалить всю ответственность на него за те жестокости, которые совершались вне Рима, в провинциях, над христианами. Толпа оставалась безжалостною, невежественною, привычной к кровавым расправам, к кровавым представлениям цирка. Наиболее страшные гонения обусловливались именно взрывами народной ненависти и нетерпимости, теми поступками, к которым можно применить слова Христа: «Не ведят бо что творят». Случалась ли голодовка, происходило ли наводнение, или разражалась какая-либо эпидемия, народ волновался и кричал: «На арену их, христиан! В цирк!

Львам!» Разные бедствия, претерпеваемые страной, народ считал посланными свыше — разгневанными богами — и поэтому усердствовали в набожности, требуя умилостивления верховных мстителей всеобщими жертвоприношениями, а христиане, конечно, отказывались участвовать в языческих молениях. Поэтому «галилеяне» и считались плохими гражданами, даже врагами отечества: равнодушие их к общественным бедствиям было слишком очевидно для толпы.

Допуская гонения на христиан, Марк Аврелий все-таки оставался «великим государем по милосердию своему и доброте», что подтверждают современник его Тертулиан и другие христианские писатели.

VI

Около 166 года некоторые германские племена образовали в Богемии, Моравии и в северной части нынешней Венгрии могущественный союз. Теснимые с севера готами, маркомане, вандалы, квады, свевы и другие варварские племена двинулись к границам римской империи. От их страшного натиска дрогнули римские легионы и начали отступать... Вся Италия ужаснулась! И тут Марк Аврелий оказался на высоте своего призвания. Он не любил вообще войны, но не мог в таком случае не поднять меча. Необходимость заставила его воевать, и тем не менее войну он повел хорошо, сделавшись «по обязанности» великим полководцем, что засвидетельствовано историей.

К ужасам вспыхнувшей войны прибавилось другое бедствие — страшная чума.

Римляне в отчаянии отправились за помощью к своим богам. Император, в качестве главного жреца (понтифекса), присутствовал на жертвоприношениях, и на одном из них он погрузил в сосуд с жертвенною кровью дротик, принесенный из храма Марса, а затем дротик этот был им брошен по тому направлению, где был неприятель. Началось всеобщее вооружение.

С этого времени Марк Аврелий зажил лагерною жизнью около Вены, на берегах Грана и в Венгрии, и тут, несмотря на беспредельную тоску, временами охватывающую его душу, он «изрядно» воевал с маркоманами и квадами. Солдаты любили его и исполняли свое дело старательно, так что варвары были отброшены на левый берег Дуная.

Марк, оставаясь добродушным мудрецом, даже к этим диким полчищам относился по-своему, т. е. по-человечески, стараясь действовать на них силою слова, убеждением, проповедуя им о справедливости и благообразии поступков... Старания его отчасти увенчались успехом: он успел-таки внушить этим дикарям уважение к себе.

Если бы императору не пришлось возвратиться в Рим (для подавления смуты вследствие действий Авидия Кассия) ему, может быть, удалось бы сделать из Маркс-мании и Сарматии две римские провинции и, таким образом, спасти будущность империи.

Самым тяжким лишением для Марка Аврелия во время этого похода было отсутствие общества его друзей — ученых и философов: все они остались в Риме, испугавшись неудобств и разных неприятностей лагерной жизни. Занятый весь день

военными делами, Марк по вечерам уединялся в своей палатке, и тут только мог заняться своим рассмотрением совести, докапываться до причин тех или других побуждений размышлять о безопасности борьбы, которую так мужественно вел... Остановившись на мысли о суетности всего земного, он начинал сомневаться в законности своих собственных побед над врагом. «Вот паук поймал муху (писал Марк) и, наверное, гордится своею ловкостью; изловивший зайчика тоже хвалится охотничьими талантами; вон тот выудил сардину и радуется, тогда как этот хвастается победой и одолением дикого кабана, а другой... тоже победой и одолением сарматов! С принципиальной точки зрения все они разбойники».

«Беседы Эпиктета» были любимою книгою Марка Аврелия. Он перечитывал ее с наслаждением и, так сказать, бессознательно, невольно стал подражать этим «беседам», что и было причиною написания другой книги под заглавием «По поводу самого себя»: она составлена по записи отдельных, отрывочных мыслей Марка (из двенадцати тетрадок императора), появилась под таким заглавием уже после его смерти. Писал он свои заметки и «мысли» совсем просто, без украшений, исключительно для себя, с единственной целью — излить душу, высказаться только одному существу — Богу. Строго говоря, император не принадлежал ни к какой философской школе, "хотя в основе его умозрения главным образом лежало учение стоиков, но переработанное в духе римлянина. В книге «По поводу самого себя», не имеющей никакой догматической основы, не следует искать учености, но зато эта книга никогда не устареет: смело можно сказать, что всякий найдет в ней для себя много поучительного. Автор не решает никаких спорных вопросов, а просто излагает свои мысли, но эти мысли в высшей степени гуманные. Что касается теологии Марка Аврелия, то она у него сбивчива, противоречива; он не имеет определенного взгляда на душу так же, как и на бессмертие души, но это нисколько не мешало ему быть религиозным, а главное — высокой нравственности человеком. Идеи нравственного порядка он совершенно отделял от идей теологических и, например, чувство долга ставил вне всякой зависимости от метафизических понятий о первопричине. В одной из его тетрадок записано следующее:

«Если боги действительно существуют, то необходимость навсегда покинуть людское общество не имеет в себе ничего ужасного. Если же богов нет или они есть, да вовсе не занимаются человеческими делами, Тогда нечего и дорожить жизнью, которая не покровительствуется свыше... Но, конечно, высшие существа есть, и они принимают близко к сердцу человеческое житье-

бытье»...

Есть у Марка и такие мысли:

«Человеку дано некоторое количество дней для прожития их на земле; эти дни он должен прожить согласно законам природы; когда же наступит час разлуки с жизнью, ему надо с чувством кротости подчиниться этой необходимости, как подчиняется падению с родной ветки созревшая оливка: падая, она благословляет и само дерево, и ветку, продержавшую ее до этого момента. Все, что тебе, вселенная, угодно — угодно и мне! Все, что совершается во благовремении для тебя — благовременно и для меня. О, мать, природа! Я пользуюсь всеми плодами, которые даруют людям твои времена года. Все от тебя и все в тебе, а потому к тебе все и возвращается».

Несмотря на такую покорность, почти благоговение перед законами природы, Марк Аврелий не мог иногда не возмущаться при мысли о роковой силе судьбы, поставившей человека лицом к лицу с природой, которой «до безнравственности» нет дела до того, что в человеке живет неустанное стремление к правде, добру, самопожертвованию и к героизму... Она, эта природа, с полным презрением относится ко всему этому!.. В такие минуты раздумья смерть представлялась Марку какой-то бессмыслицей, громадной несправедливостью, но... он ловил себя на такой строптивости и смирялся перед тем, что неизбежно, неотвратимо...

«Но как же могло случиться (пишет он в тетрадке), что боги, так мудро и любовно устроившие все для человека, упустили из виду одно немаловажное обстоятельство, а именно: почему люди испытанной добродетели, как бы пребывающие всегда в общении с божеством и любимые им, не оживают после смерти? Почему они угасают навеки, несмотря на любовь богов?.. Хорошо, но раз это так, а не иначе, то знай, что так и должно быть. Ведь если бы Долженствовало быть иначе, то уж, конечно, боги не затруднились бы это устроить; справедливое, в сущности, было бы осуществимо; природа не воспрепятствовала бы тому, что согласно с ее законами... Итак, из того, что есть, следует усмотреть, что противного и не должно быть, в чем и следует убедиться».

VII

Марк Аврелий, подобно христианским аскетам, доходил в самоотвержении до неумолимой суровости. Постоянство его в спокойствии, безмятежности духа — добыто им путем громадных усилий. Правда, он не знал злых побуждений, ему не приходилось душить в себе никакой страсти, но, чтобы постоянно держаться на ледяной вершине стоицизма, Марку приходилось насиловать природу и подавлять в себе благие порывы... Беспрестанное повторение одних и тех же доводов (хоть в разных выражениях и образцах) в пользу мысли о суетности и тщете всего земного, достаточно свидетельствует о той борьбе, которую вел с самим собой этот удивительный человек. Чтение книги Марка Аврелия укрепляет дух, но не утешает... Полное самоотречение автора не прошло ему даром: летописцы как бы воспользовались равнодушием императора к славе и «замолчали» его. Марий Максим и Дион Кассий писали о нем с любовью, но без таланта (как видно из уцелевших отрывков их сочинений); если нам сколько-нибудь известна жизнь этого славного правителя, то только благодаря посредственной биографии его, составленной Юлием Капитолином, сто лет спустя после смерти Марка Аврелия, при императоре Диоклетиане, особенно почитавшем высокопоставленного мудреца.

Если не осталось хороших биографий этого императора, то, к счастью, осталась шкатулочка его, а в ней — те двенадцать тетрадок, о которых выше было упомянуто, составившие чудесную книжку — лучше книги Эпиктета.

Стремление стать выше радостей и горестей жизни, смирение и покорность судьбе, постоянно изощряемые Марком Аврелием, с каждым днем становились все необходимее ему. Дело в том, что чудовище-зло, побежденное на короткий срок господством философов, снова подняло голову... Прогрессивное движение, вызванное правлением Антонина и Марка, оказалось, конечно, не весьма глубоко захватившим общество: волна прогресса прошла только по поверхности житейского моря, наведя кое на что внешний лоск. Римляне, под личиной «обновленных», ловко лицемерили, желая понравиться двум названным императорам, а вся масса народа осталась по-прежнему грубой, невежественной. Воинский дух в армии ослабевал, и только в сфере законодательства успехи оказались действительными и прочными. В общем и не могло быть иначе: продолжалось то, что раз уже началось, а именно — древний мир разлагался, разваливался, и чувство глубокой тоски овладевало всеми... А

пока медленно шел процесс отживания старого языческого строя, уступившего место новому — христианскому.

Марк Аврелий спокойно, неуклонно исполнял обязанности, наложенные на него судьбой. Война, придворная жизнь, церемонии и всякие шумные зрелища были одинаково ему тягостны, но, тем не менее, везде, где было «необходимо», толпа могла увидеть кроткое, ясное лицо императора. Всякое дело исполнял он добросовестно, как будто только о нем и думал, но не оно у него было на уме: мысль о смерти — вот что постоянно занимало Марка, который чувствовал, что здоровье изменяет ему, что силы ослабевают... Так, однажды, будучи вынужден отложить книгу (слишком тяжела она была для ослабевшей его руки), он отметил в тетрадке:

«Вот, и не дозволяется тебе больше читать! Да, но ничто не мешает всегда и неуклонно охранять свое сердце от всяких побуждений к жестокости; ты еще можешь так же беспрепятственно презирать и удовольствие, и огорчение, оставаясь превыше пустой славы; тебе дозволяется не сердиться на глупых и неблагодарных, напротив, ты в силах еще продолжать делать им добро»...

Такая светлая душа императора сделала его особу почти священною в глазах народа, но увы — сам Марк, обладая такой душой, почитаемый народом, все-таки не мог не претерпеть тяжких испытаний, вызванных отчасти его же чрезмерным мягкосердечием. Щепетильная добросовестность Марка обусловила его первую важную ошибку — именно в деле выбора себе товарища по управлению государством: выбор пал, по несчастью, на Луция Вера, человека слабого, легкомысленного. Императору приходилось проявлять просто чудеса такта и терпения, чтобы вовремя удержать «товарища» от совершения зловредных глупостей, безумных поступков, и все-таки Марк ни разу и виду не показал, как тяжело ему было от такого соправителя... Из боязни ли огорчить, оскорбить ближнего своего, или из чувства уважения вообще к человеческой природе, но только Марк Аврелий почти никогда не решался признаться, что прекрасно видит зло и понимает, откуда оно идет и вот поэтому вся жизнь его прошла в постоянном притворстве перед самим собой.

После Луция Вера вторым источником огорчений и страданий Марка была императрица Фаустина. Сначала, может быть, она и любила мужа и была даже счастлива в очаровательной обстановке своего жилища, в этом «уголке пресветлых радостей», как выразился император в письме к одному из своих друзей. С течением времени, однако, Фаустине

прискучила эта скромная и благообразная жизнь в «уголке», где ей слишком часто приходилось выслушивать прекрасные сентенции, чуть не осязать суровую добродетель и созерцать лицо супруга, отуманенное томной грустью... Императрице не по нутру было отвращение мужа ко всему, что напоминало шум и блеск придворной жизни; этой женщине, молодой, чрезвычайно красивой, капризной и обладавшей страстным темпераментом, все это было просто несносно, и она, понятно, возненавидела мужниных друзей, стала безучастной в жизни мужа и начала искать на стороне приятных развлечений. Марк все это понял и, затаив свои страдания, ни разу не изменил своему руководящему правилу: «видеть вещи в надлежащем их виде, а не такими, каковы они в действительности». Оставаясь глухим ко всем намекам и наговорам, император не обращал ни малейшего внимания даже на дерзость актеров, выставлявших его особу на сцене в качестве обманутого мужа и называвших во всеуслышание имена фаворитов Фаустины. Марк с неизменной своей кротостью продолжал относиться к жене, как к «своей доброй и верной супруге», даже после смерти ее никому не удалось заставить отказаться от этого «святого самообмана». Мало того, Марк Аврелий проявил нечто поразительное в этом отношении, когда во время стоянки на берегах Грана написал чудный гимн, в котором благодарил богов за то, что они даровали ему «жену, столь любезную, столь любящую и столь скромную»...

VIII

В последние годы своей жизни Марк действительно дошел до того, что уже принимал воображаемое за существующее и уже не чувствовал никакой горечи от нанесенных ему обид. Но можно себе представить, какую борьбу пришлось ему выдержать с самим собой, чтобы дойти до такого состояния! Он целыми годами страдал, и эти страдания подтачивали его организм, хотя внешне Марк был благополучным человеком; правда, лицо его было бледно, но не только спокойно, а даже безмятежно-ясно. Но ни Луций Вер, ни Фаустина так не угнетали дух императора, как сын его, Коммод, бывший для него воистину адской пыткой.

По какой-то странной жестокой игре природы, у лучшего из людей должен был родиться тупоголовый атлет, способный только к телесным упражнениям, живорез, жестокое, кровожадное чудовище... По умственному своему убожеству Коммод, конечно, возненавидел всех порядочных людей, окружавших его отца, и примкнул к героям римских трущоб. Отец хорошо видел, что ничего путного не выйдет из этого молодца, но, тем не менее, сделал все, чтобы дать сыну хорошее воспитание и образование. Верный, однако, своему характеру, император относительно наследника совершил ошибку.

Для предотвращения больших бедствий, угрожавших империи от грядущего «второго Нерона», Марку не оставалось иного средства, как воспользоваться правом усыновления, т. е. устранить Коммода от императорства, назначив своим преемником более достойного. Но этого-то Марк Аврелий, и не сделал — по причинам, которых нельзя не принять во внимание при обсуждении этого обстоятельства. Дело в том, что Нерва и следовавшие за ним императоры, пользовавшиеся правом усыновления, не имели сыновей, почему им и не приходилось устранять прямых наследников. Если ранее и были случаи усыновления, когда родной сын или внук лишался прав наследия, то, как свидетельствует история, в результате ничего хорошего из этого не выходило. Марк Аврелий, по принципу, стоял за прямое наследование, устранявшее всякое соперничество, всегда сопряженное со смутой. Тотчас после рождения своих близнецов (в 161 г.), он предъявил легионам первого из них — Коммода.

Как видно, отец сначала еще надеялся, что мальчик, обнаруживши дурные наклонности, исправится, но под конец своей жизни увидел, что надежды эти не оправдались... Почти каждая страница последних тетрадок Марка свидетельствует о душевных муках его, при одной мысли о том, что вот какой будет

после него «император», и предположение лишить Коммода наследия должно было часто возникать у императора — возникать, чтобы бесследно исчезнуть, так как было уже поздно, да и скандально таким образом исправлять роковую ошибку... В самом деле (мог так думать император), кроме скандала случилось бы вот что: устраненный Коммод сейчас же стал бы во главе военной партии, ненавидевшей философов, и всех, стоящих у кормила отцовского правления, и началась бы кровавая междоусобица... А если подумать, что Коммоду всего-то 18 лет, то неужели он не исправится, не сделается «человеком»! Ведь были же у него такие попытки, ведь слушался же он умных людей?.. Но чем дальше, тем больше приходилось Марку мучиться сомнениями, так как сын не становился лучше... Даже народ заметил, что будущий император ведет себя совсем уже неладно, и в толпе говорили: «Да уж полно — сын ли он императора? Нет, не его это сын! Похож он что-то на одного гладиатора... Гладиатор-то, видно, и есть настоящий отец»... Но, по разным историческим данным, все-таки подтверждается, что Коммод был родным сыном Марка Аврелия, да и лицом походил на него.

Ко всем невзгодам последних лет жизни императора присоединилось еще и одиночество, столь тягостное для человека с горячим сердцем. Друзей его детства и юности уже не было в живых, да и вообще около него не было никого, кто бы сочувствовал его настроению. Последние тетрадки Марка относятся именно к этой эпохе, то есть, когда он совершенно наедине со своим философским раздумьем всецело отдавался размышлениям о смерти. Вот что он писал тогда:

«Не проклинай смерти, но прими ее благосклонно, потому что она — одно из явлений природы. Разрушение нашего существа такой же естественный факт, как естественны молодость и старость, рост и возмужалость. Если же тебе необходимы особые доводы для большей благосклонности к смерти, то стоит только разобраться в том, с чем она тебя разлучит, рассмотреть ту моральную среду, из которой душа твоя будет изъята. Тебе не следует, однако, быть во вражде с ними (вероятно, с сыном и его приятелями), напротив: ты должен их любить, переносить с кротостью их присутствие, но и не скрывай от себя того, что люди, с которыми ты скоро расстанешься, не разделяют твоих чувствований. Единственно, что может еще вызывать привязанность к жизни — это жить среди сочувствующих нам... А теперь, при виде такого страшного раздора в твоей семье, тебе остается только воскликнуть: «О, смерть, не медли долее»! И вот, скажут: «Это был честный человек, это был мудрец»... Да, но это не помешает, однако, кое-кому втайне подумать: «Ну, наконец-то

избавились мы от этого учителя!.. Теперь вздохнем свободно»...

Анализируя понятие жизни и смерти, Марк Аврелий, подобно Сакия Муни, Сократу, Франциску Ассизскому и некоторым другим мудрецам, совершенно победил смерть и мог смеяться над нею потому, что она утратила для него всякий смысл.

IX

В 178 г., 5 августа, император покинул Рим, чтобы отправиться вместе с Коммодом на берега Дуная для окончания войны и основания пограничных провинций. Успех этого похода был блестящий, и желанная цель была уже близка, но, к несчастью, здоровье Марка сильно пошатнулось: Желудок почти отказывался служить, да и позывы на пищу были все реже. Если император заставлял себя есть что-нибудь, то только разве перед речью к солдатам. А в то время, какая-то заразительная болезнь опустошала всю Придунайскую страну, и вот, 10 марта 180 г., Марк Аврелий захворал... Радостно приветствуя приближение смерти, он отказался совсем от пищи и питья и стал держать себя, как человек, сто-•явший одной ногой в могиле... Призвав к себе сына, Марк умолял его закончить войну, а до тех пор не возвращаться в Рим, чтобы не возбудить нареканий поспешным отъездом.

На шестой день болезни император собрал вокруг себя приближенных и стал разговаривать с ними в обычном своем тоне, то есть с легкой иронией о ничтожестве всего земного и о смерти, которой не следует придавать слишком серьезного значения. При виде слез друзей, он сказал: «Зачем оплакивать меня? Замените печальные мысли другими: лучше подумайте, как сохранить армию... Ну, прощайте! Я ведь удаляюсь... всего лишь прежде вас»...

На вопрос: кому поручает он сына? Марк Аврелий ответил: «Вам, если он этого заслуживает, и бессмертным богам».

У него хватило еще сил последний раз представить легионам своего наследника — Коммода. Солдаты были неутешны в своем горе: они боготворили императора и хорошо осознавали, в какую пучину бед повергнет империю смерть его...

На седьмой день, почувствовав близкое веяние смерти, Марк Аврелий допустил к себе только сына, боясь заразительности своей болезни, а может быть, желая избавиться от неприятного посетителя... Затем, как бы собираясь уснуть, император накрыл голову одеялом, затих и в ту же ночь его не стало.

Тело Марка Аврелия отвезено было в Рим и погребено в мавзолее Адриана.

Трогательно было проявление народной любви к покойному императору, которого при его жизни, не величали никаким блестящим титулом, а каждый, соответственно своему возрасту, просто называл его: «Марк, отец мой», «брат мой Марк», «Марк, сын мой»... В день похорон почти никто не плакал — так все были

уверены, что император, собственно, не умер, а только вернулся к богам, на время лишь отпустившим его на землю... Ни громкого плача, ни тихих слез не было, но зато многотысячная толпа вдруг и единогласно провозгласила умершего императора «милостивым божеством», причем объявлено было считать нечестивцем всякого, у кого в доме не будет изображения Марка Аврелия. Насколько к такому требованию римляне отнеслись сочувственно — это видно из того, что спустя сто лет, статую этого императора можно было видеть во многих домах Рима среди прочих пенатов или божеств — покровителей дома и государства.

notes

1

Моммзен — знаменитый историк и правовед, бывший профессором права в Лейпциге и истории в Берлине, член Берлин. Акад.; род. в 1817. Одним из самых замечательных его произведений считается «Римская история».

2

Карфаген был взят и разрушен римлянами в 146 г. до Р. Х.

3

Французский историк и писатель XIX в.

4

«Записки о междоусобной войне» заключают в себе описание событий 49 и 48 гг. до Р. Х.

5

Ренан — известный французский писатель, род. в 1823 г., умер в 1892 г. Он был профессором, академиком и оставил много трудов по философии, истории и языкознанию; он написал несколько томов по истории христианства, историю апостолов и проч.

6

Основателем философского учения стоиков был грек Зенон, живший в IV веке до Р. Х. Последователи его получили название стоиков от афинской стои или колоннады. Высшим благом стоики считали добродетель, единственным злом — порок, ко всему остальному относились равнодушно. Замечательнейшими стоиками были Клеанф, ученик Зенона, Сенека, учитель императора римского Нерона, Эпиктет и Марк Аврелий.